

СЕРИИ

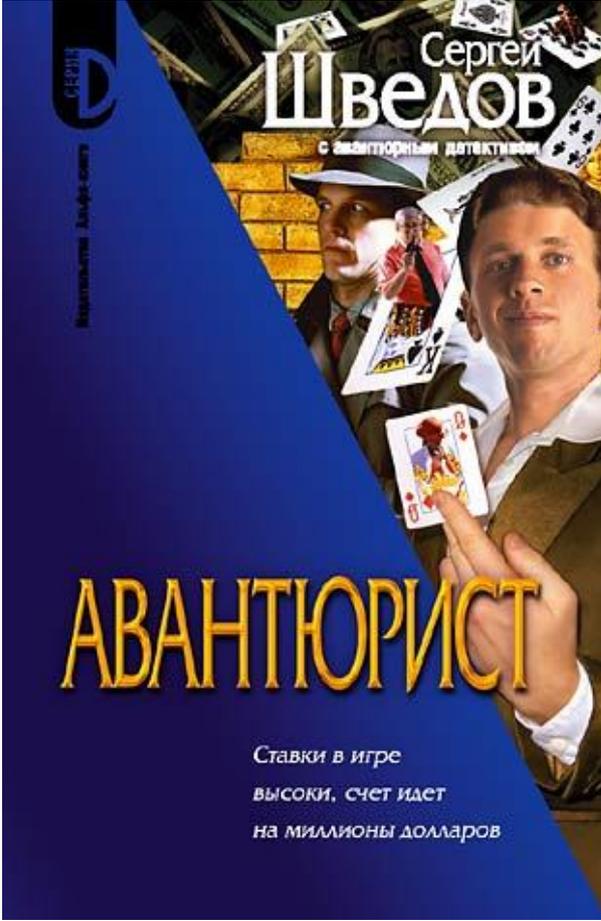
Высшие Лифт-клуб

Сергей
ШВЕДОВ

С авантюризма детективом

АВАНТЮРИСТ

Ставки в игре
высоки, счет идет
на миллионы долларов

Сергей Шведов Авантюрист

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168238

Шведов С.В. Авантюрист: Роман: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2006

ISBN 5-93556-662-1

Аннотация

Вряд ли Феликс Строганов, игрок по профессии и авантюрист по призванию, предполагал, что сорванный банк поставит его на грань жизни и смерти, а выигранная по случаю золотая вещица откроет ему дорогу если не в ад, то в его преддверие. Но ставки сделаны, и поздно уже уходить от стола, даже если для игрока пробил страшный час – Час Невезения.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей ШВЕДОВ АВАНТЮРИСТ

Часть первая ПРИЗВАНИЕ: АВАНТЮРИСТ

Не сочтите меня неврастеником, но мне не нравится, когда обычная деловая встреча обставляется таким рядом условий, что поневоле начинаешь озираться по сторонам и ждать подянки от самых обычных на первый взгляд прохожих.

И дело-то у меня было плевое. Требовалось сбыть золотую погремушку, выигранную по случаю у одного человека. Погремушку изготовили не то в семнадцатом, не то в восемнадцатом веке, и цена ее исчисляется немалым количеством баксов. Координаты перекупщика я тоже получил у партнера, который честно предупредил меня, что проигранная вещица имеет свою историю не только в веках прошлых, но и во времени нынешнем, а потому не стоит предлагать ее первому встречному. Конечно, любого нормального человека подобные предостережения наверняка бы озаботили, но в том-то и дело, что я не нормальный. Нет, в смысле умственных способностей со мной все в порядке. Но меня подводит легкомыслие и, безусловно, порочная привычка лезть в дела, меня совершенно не касающиеся. Возможно, во всем виноваты родители, не приучившие меня к усидчивости и чинно-размеренному образу жизни, возможно, причина в более отдаленных предках, которые были весьма беспокойными людьми и по этому случаю попали в историю. Ибо, по слухам и семейным преданиям, среди моих пращуров были те самые Строгановы, которые снарядили экспедицию Ермака покорять Сибирь. Короче говоря, это именно они повесили на шею Федерального правительства регионы, которые ныне стали его головной болью. Разумеется, я никакой ответственности за конкистадорские наклонности своих предков нести не собираюсь, более того, сам иной раз склонен предъявить им счет. К сожалению, счет этот вряд ли будет когда-нибудь оплачен, а потому полагаться в приобретении материальных благ мне остается исключительно на собственные силы.

Перекупщик задерживался. Мне его голос не понравился сразу. Мы разговаривали с ним по телефону добрых полчаса, и хотя я честь по чести представился ему как посланец Виталия Алексеевича Веневитинова, он долго и недоверчиво переспрашивал фамилию, без конца уточнял детали биографии человека, которого я знал шапочно, да и то постольку, поскольку несколько раз сталкивался с ним за карточным столом. Как игрока я мог охарактеризовать Веневитинова исключительно с положительной стороны. Виталий Алексеевич карточные долги всегда платил в полном объеме и в срок. Погремушку мне тоже пришлось описывать во всех подробностях. В том числе и клеймо мастера, которое было настолько мелким, что я с трудом обнаружил его в самом углу изучаемого предмета.

К слову сказать, я называю эту вещицу то погремушкой, то предметом по той простой причине, что понятия не имею, для каких целей она предназначалась. Возможно, это была чернильница, возможно, перечница или солонка. А сделана она в виде экзотического животного, скорее всего из породы кошачьих. Я, как мог, описал предлагаемую вещь перекупщику, но мое описание, кажется, его не удовлетворило. Во всяком случае, он счел запрашиваемую цену завышенной и предложил мне ровно половину. Предложенные десять тысяч долларов меня более-менее устроили, поскольку именно столько лежало денег в банке, когда Веневитинов попытался его сорвать. Честно скажу, в карточной игре я предпочитаю наличные. Хлопот меньше. Но игра штука азартная, и я вошел в положение Виталия Алексеевича, тем

более что два других партнера Веневитинова поддержали, заверив, что данная вещица стоит, пожалуй, больше суммы, скопившейся в банке. Я не стал спорить. Ибо в ту ночь мне везло, а Веневитинов крупно проигрался, и было бы неприлично лишать его последнего шанса.

Фамилия перекупщика была Шагинян, поэтому, сидя за столиком уличного кафе, я высматривал лицо кавказской национальности, благо подобных лиц в столице нашей Родины немало, но, увы, ни одно из них не удостоило меня своим вниманием. Зато когда мое терпение готово было лопнуть уже окончательно и бесповоротно, ко мне подошел человек самой что ни на есть рязанской наружности и выше средних лет, довольно упитанный и с сильно облысевшей головой. Но за толстыми линзами очков прятались очень цепкие и жесткие глаза. Я уловил это сразу, хотя мой новый знакомый тут же их отвел, заинтересовавшись окрестностями, которые облагородили две девицы примечательных форм и умопомрачительной окраски. Впрочем, Шагиняна, кажется, интересовали не девочки.

– Я же не урановую руду вам предлагаю.

– Вы Феликс Строганов? – спросил Шагинян, никак не реагируя на мое замечание.

– Да. Ваш номер телефона мне дал Виталий Алексеевич Веневитинов. Вы будете покупать солонку?

– Деньги при мне, – почти беззвучно прошелестел он тонкими бесцветными губами. – Десять тысяч.

Я хотел было поторговаться, но потом передумал. Будь этот человек истинным армянином, мы бы с ним выпили сейчас вина, поговорили бы о женщинах. В общем, хорошо бы провели время. А потом либо я уступил бы ему тысячу долларов, либо он мне из дружеского расположения. И в игре, и в торге главное процесс, а вовсе не результат. Во всяком случае, для меня. Лжеармянин долго обнюхивал предложенного мною тигра, именно обнюхивал, другого слова я не подберу. Потом изучал предмет через лупу, словно перед ним часовой механизм, а не довольно крупная вещь, пусть и золотая. Я, честно говоря, думал, что он будет пробовать золото на зуб, но от последнего Шагинян все-таки воздержался.

– Десять тысяч, – заикнулся на уже известной мне цифре перекупщик. – И ни цента больше. Деньги плачу сразу, но после этого, молодой человек, вы должны навсегда забыть и Шагиняна, и номер его телефона.

– Клянусь, – искренне заверил я, поскольку не испытывал к своему визави ни малейшей симпатии, а посему и не рассчитывал на продолжение знакомства.

Шагинян осторожно раскрыл лежащий на коленях чемоданчик. Теперь уже я на всякий случай осмотрелся по сторонам. Деньги мне предстояло получить солидные, а в нашей замечательной стране в последнее время развелось столько хулиганов, что человек с куда меньшей суммой в кармане не может чувствовать себя в безопасности. Впрочем, никто на нас с Шагиняном внимания не обращал. Озабоченный московский люд пылил мимо по своим делам, а несколько ленивых посетителей, прячась от жары под синим тентом, медленно потягивали прохладительные напитки, не замечая сделки века, которая вершилась рядом. Соседние с нами столики и вовсе были пусты. Так что я без всякого стеснения протянул руку за целлофановым пакетом, в котором смирно покоились зеленые. На машину, остановившуюся на обочине, я не обратил никакого внимания и только по перекошенному лицу Шагиняна вдруг осознал, что происходит нечто из ряда вон выходящее. А уж потом услышал треск, очень напоминающий выстрелы из автоматического оружия.

Две дырки, появившиеся на белой рубаше Шагиняна в районе груди, очень наглядно подтвердили мои подозрения. Но прежде чем мои мозги сумели хоть что-то сообразить, ноги сами, без их участия, вытолкнули меня из-за стола и бросили в угол прямо под подол закричавшей в ужасе солидной дамы. Задерживаться на виду у вооруженного автоматом хулиганствующего молодчика я не стал, а тут же перепуганным зайцем метнулся в ближайшие открытые двери. Честно говоря, у меня не было времени выяснять, куда я попал, а моя рас-

тревоженная происшествием физиономия настолько испугала попавшегося мне навстречу мужика в белом переднике, что он, не произнеся ни слова, только махнул рукой налево. Я в быстром темпе миновал кухню, успев уловить ноздрями совершенно умопомрачительный запах, а потом через подсобные помещения и черный ход выскочил в узенький дворик, где едва не столкнулся нос к носу с молодым человеком, скорее всего поджидавшим здесь именно меня. Возможно, он не собирался стрелять, а «макарова» в руке носил просто для солидности, но у меня после всего случившегося напрочь отпала охота к выяснению отношений посредством языка, а потому я просто врезал по-молодецки в подвернувшуюся квадратную челюсть и бросился вон с едва не ставшего для меня смертельной ловушкой двора.

Мне показалось, что в меня стреляли, хотя ручаться в этой ситуации я ни за что не могу. Уж слишком быстро я улепетывал с проклятущего места, и у меня не было возможности оглянуться. Да что там оглянуться, когда только через десять минут я обнаружил, что держу в руках пакет с долларами, а немного погодя, обшарив свою небольшую сумку, обнаружил там и золотого тигра, будь он неладен. Разрази меня гром, если я помню, как эта солонка опять оказалась у меня. Буквально за секунду до роковых выстрелов она была в руках несчастного Шагиняна.

Поуспокоив дыхание, я впал в задумчивость. Присесть на лавочку я не рискнул, взять такси тоже, а продолжил свой путь по изнывающей от жары столице пешим порядком, мучительно стараясь понять: какого черта? Зачем этим вооруженным придуркам понадобилось убивать Шагиняна, а уж тем более меня, Феликса Строганова, гостя столицы, ни в чем абсолютно не повинного? Не считать же в самом деле грехом попытку продажи вещицы, имеющей, наверное, определенную антикварную ценность, но все же не настолько значительную, чтобы отправлять из-за нее на тот свет сразу двух человек, да еще среди бела дня, да еще с пальбой из автоматического оружия.

Вряд ли эти люди следили за мной. В этом случае им не составляло никакого труда подкараулить меня в московской подворотне, врезать тяжелым тупым предметом по затылку и без всякой пальбы забрать понравившуюся вещь. Нельзя сказать, что я человек хилый, но не Терминатор же, в конце концов. И двое-трое хорошо подготовленных молодых людей без труда загнули бы мне салазки. Значит, слежка велась за Шагиняном. Недаром же он так осторожничал.

Спускаясь в метро, я на всякий случай огляделся. Все было тихо – и в тылу, и по фронту, и с флангов. Нет, народу вокруг было с избытком, и по большей части это были люди бесцеремонные, не отказывающие себе в удовольствии подтолкнуть локтем зазевавшегося провинциала, но в этой шумной толпе никто меня не пас и не проявлял ко мне криминального интереса.

Подземная прохлада почти вернула мне утерянное равновесие. Ну попал в чужую разборку, ну едва не пристрелили мимоходом. Так ведь не пристрелили, и по нынешним временам это уже счастье. Радуйся жизни, Феликс! Потом расскажешь девушкам, как тепло тебя встречали в столице и как в результате горячего приема ты едва не попал на тот свет.

В гостиницу я не пошел. Во-первых, вещи все были при мне, если не считать кое-какой мелочи, которую я решил пожертвовать заведению, во-вторых, за проживание я уплатил вперед и теперь мог не опасаться, что меня потревожат с этой стороны, ну и, в-третьих, в заднем кармане брюк у меня был билет на самолет, приобретенный заранее. До отлета мне оставалось несколько считанных часов, и я решил просто побродить по городу, не беспокоя никого пустыми вопросами и не привлекая к себе внимания.

Слежки за мной не было, это я могу сказать совершенно точно. Не то чтобы я агент спецслужб, но кое-какой опыт общения с правоохранителями имею. Нельзя сказать, что мне это общение доставило удовольствие, но и особых неприятностей не принесло. Дожив до тридцати годов, я так и остался холостым и несудимым, к великой радости своей мамы.

Опровергнув тем самым пророчества цыганки, которая лет двадцать пять назад посулила, что впереди у этого пострела небо в крупную клетку. Я человек несуетливый, но кое-какие меры предосторожности принял. В частности, за всю свою бурную жизнь я никого не убил, не изнасиловал и не изувечил. Что касается прочих заповедей, то с этим не все так уж гладко, но в любом случае в тех кругах, где мне приходится вращаться, я слышу относительно порядочным человеком. Во всяком случае, до сих пор кривая меня вывозила, и я очень надеюсь, что вывезет и впредь.

В аэропорт я приехал за час до вылета и зарегистрировался без проблем. Правда, в какой-то момент мне показалось, что за мной следят. Я даже почувствовал холодок в области желудка, что не помешало мне, однако, установить примечательную особенность: следившие за моей скромной персоной глаза принадлежали симпатичной женщине лет двадцати пяти—тридцати. Да что там симпатичной, писаной красавице. По всем правилам голливудских боевиков, если героя не удалось убить сразу, то его следует соблазнить, подослав к нему умопомрачительное создание, ноги у которого от зубов растут. Конечно, подобный расклад был бы слишком банален в сложившейся ситуации, а потому к заинтересовавшейся мной даме я подошел без душевного трепета, а уж фразу произнес и вовсе не блещущую оригинальностью:

– По-моему, мы с вами где-то встречались?

– Встречались,– мило улыбнулась мне очаровательная блондинка.– Меня Наташей зовут. Я подруга Виктора Чуева.

Недаром же мне ее лицо показалось знакомым. С Витькой я столкнулся в ресторане дня за два до своей поездки в Москву. Чуев кутил в довольно многочисленной компании, так что поговорить нам не удалось. Но эту женщину я запомнил и даже, по-моему, собирался пригласить на танец, но почему-то не пригласил.

– А я ушла почти сразу,– откровенно призналась Наташа.– Когда мужчины сильно напиваются, они начинают вести себя слишком развязно. А мне это не нравится.

Строгая, судя по всему, женщина. Я промычал в ответ что-то вроде того, что имеет место быть, и вообще народ пошел дурно воспитанный. А в столице, между прочим, этот народ еще хуже, чем в нашем славном городе.

– Мне так не показалось,– с некоторой ноткой удивления в голосе сказала Наташа.

– Каждый судит в меру приобретенного опыта,– скромно заметил я.– А вы здесь какими судьбами?

– Командировка,– вздохнула она.– К сожалению, очень короткая. А так хотелось побродить по музеям. Я ведь искусствовед.

– Что вы говорите? – удивился я.– И в живописи разбираетесь?

– Разбираюсь,– засмеялась Наташа.– А в чем, по-вашему, еще должны разбираться искусствоведы?

– Видимо, в скульптуре,– выложил я свои последние познания по этому вопросу.– И, возможно, в музыке.

– А вы, простите, чем занимаетесь?

– Бизнес. В отличие от вас, я никогда не интересовался ни живописью, ни скульптурой.

– А чем вы интересовались, если не секрет?

– Медициной. Но, увы, не добился взаимности. Покинул стены института раньше, чем успел получить диплом.

Мои слова были чистой правдой. Я действительно пять лет учился в медицинском институте, но учеба показалась мне занятием скучным, а медицинская стезя малоперспективной. В общем, я выпорхнул в большую жизнь, не получив достойного образования. За что и поплатился. Сначала меня на два года забрили в армию, а потом вдруг выяснилось, что все хлебные места уже заняты и человеку моего темперамента, воспитания и образова-

ния ничего особенного в этой жизни не светит, кроме прозябания на обочине. Прозябать на обочине я не собирался, оттого и пустился во все тяжкие.

– Странный вы человек, Феликс, – задумчиво сказала Наташа, но это было уже в салоне, когда наш лайнер благополучно оторвался от земли.

Сидели мы рядом. Мне удалось довольно быстро убедить одного солидного дядьку, что от перемены мест очень многое в нашей жизни может измениться. Наташа приняла мое неожиданное соседство благосклонно. В конце концов, несколько часов полета лучше провести в обществе молодого остроумного собеседника, чем измученного командировочным бытом храпящего мужчины выше средних лет.

– А почему странный?

– Потому что в ваши годы человек должен уже определиться в жизни.

– Я определился. Меня моя жизнь устраивает. И в плане материальном, и в плане духовном.

– Иными словами: вы счастливый человек?

– Да. Счастливый. Я живу так, как мне нравится, и ни перед кем не отчитываюсь за бесцельно прожитые годы. Разве мы не за это боролись?

– А вы боролись? – засмеялась Наташа.

Смех, между прочим, был ехидным. И это ехидство было оправданным. Ибо я действительно не боролся. Наверное потому, что не успел в силу возрастных причин. На меня, что называется, упало, как, впрочем, упало и на многих других. Кто-то адаптировался к этой внезапно рухнувшей на плечи свободе, кто-то нет. Но в принципе винить особо некого. Человек в общем-то не созидает жизнь, он к ней приспосабливается.

– Убогая у вас философия, однако, – сморщила миленький носик Наташа. – А кто в таком случае жизнь созидает?

– Возможно, Бог, возможно, дьявол, а возможно, оба вместе, оставляя за человеком право хватать на лету их милости и уворачиваться от неприятностей.

– И вы уворачиваетесь?

– Да. Сегодня, например, меня едва не застрелили. Хотя, заметьте, я ни в чем не был виноват. И неприятность эта свалилась мне на голову только потому, что неделю назад мне улыбнулась фортуна в виде карточного выигрыша. Так что в этом мире все уравновешено. И, чтобы получить куш, надо чем-то рискнуть, ну хотя бы покоем.

– Так вы карточный шулер?

– Нет. Я игрок. И в сфере моих интересов не только карты. Карты это скорее хобби, чем профессия. Я не обманываю судьбу, я с ней играю.

Наташа задумалась. Похоже, она впервые столкнулась с подобным экземпляром. Хотя, конечно, она имела все основания заподозрить меня в неискренности и в стремлении пустить пыль в глаза. Мало ли чего не наплетет мужчина, желая понравиться женщине. Каждому хочется в определенные моменты выглядеть роковым и загадочным. По личному опыту знаю, что женщинам романтичным нравятся циники. Но Наташа, судя по всему, к романтичным женщинам не принадлежала. Видимо, ее заинтересовала моя философия, но отнюдь не моя особа. То есть интересоваться-то я ее интересовал, но совсем не в том смысле, в каком мне хотелось бы. И вообще я заподозрил, что она знает обо мне больше, чем обнаруживает. Я намекнул ей на это, и она кивнула головой:

– Чуев рассказывал мне о вас.

– Витька соврет, недорого возьмет, – на всякий случай отговорился я. – Что вы можете сказать по поводу этой милой зверушки?

Наташа разглядывала солонку с интересом. Интерес, впрочем, очень скоро пропал, и вернула она мне золотого тигра почти небрежно:

– Это подделка, никакой ценности не представляет. Довольно топорная работа.

Вот черт! Я едва не выругался вслух. Не хватало еще, чтобы доллары оказались фальшивыми. И тогда вырисовывалась вполне однозначная картина обыкновенного мошенничества – столичные аферисты с блеском кинули провинциального лоха. Дело в том, что это был совсем не тот тигр, которого я выиграл у Веневитинова. На этой поделке из желтого металла не было даже клейма. И, как я заподозрил, Шагинян сунул мне его в руку не случайно, а для успокоения нервов. А эта заварушка со стрельбой была не более чем комедией. Расчет был на то, что до смерти напуганный человек не сразу разберется, что золотую вещицу ему подменили, а доллары подсунули фальшивые.

Боюсь, что с этой минуты я стал очень плохим собеседником и невнимательным кавалером. Меня душила ярость, которую в ограниченном и замкнутом пространстве самолета не на кого было пролить. Сами понимаете, никому не хочется ходить в дураках. Была бы у меня возможность развернуть самолет, я, безусловно, сделал бы это. К сожалению, такой возможности у меня не было, а разыгрывать из себя террориста-угонщика по столь незначительному поводу мне не хотелось. Прощался я с Наташей довольно сухо, не взяв у нее ни телефона, ни адреса, чем, кажется, ее удивил. Но в этот момент мне было не до женщин и даже не до красивых женщин. Я человек заводной и жутко злопамятный. А честь игрока требует посчитаться с людьми, которые ведут грязную игру с судьбой.

Стопы свои я решил направить к Веневитинову, он один мог предоставить мне координаты Шагиняна и прояснить кое-какие темные моменты в этой истории.

По пути к Виталию Алексеевичу меня ждал сюрприз. В банке, куда я свернул на всякий случай, мне объяснили, что доллары настоящие. Причем все. Выходит, я зря проклинал Шагиняна, мир его праху. Он честно заплатил мне все, что было оговорено. Тогда тем более непонятно, зачем он вручил мне фальшивого тигра?

Веневитинов был дома, но куда-то собирался и, впустив меня в квартиру, нельзя сказать что демонстративно, но все-таки бросил взгляд на часы. Впрочем, на суховатом его лице при моем появлении не отразилось ни удивления, ни неудовольствия. Виталию Алексеевичу было под пятьдесят, жил он, кажется, один. Во всяком случае, присутствия женщины я не обнаружил. Да и не искал. Мне не было дела до того, как проводит свой досуг убежденный холостяк. Я пришел к нему в квартиру совсем по другому поводу и сразу же взял быка за рога.

– Вам не удалось продать солонку Шагиняну? – удивленно вскинул он на меня глаза.

– Да как вам сказать... – Я с удовольствием устроился в предложенном мне кресле. – Деньги я получил. А что касается солонки, то, как мне сегодня объяснил один очень знающий человек, искусствовед, это всего лишь копия.

Надо вам сказать, что у Веневитинова очень неподвижное лицо. Он невысок ростом, сухощав, даже худосочен, но именно из-за жесткого, почти злого лица не производит впечатления человека слабого. И в картах он может все или почти все. Словом, игрок с большой буквы. Он и проигрывает крайне редко. Просто в ту ночь, когда он проиграл мне золотого тигра, у него был Час Невезения. Этот Час бывает у каждого игрока, даже самого выдающегося. В Час Невезения нельзя останавливаться и сходить с круга. Надо спускать все до последнего гроша, дабы не злить судьбу. А если испугался, заюлил, занялся подсчетами, то лучше тебе потом к игровому столу не садиться. Везения больше не будет. И как игрок ты кончился. Те, кто сделал игру профессией, это знают и никогда не останавливаются в Час Невезения.

– Если я вас правильно понял, Феликс, – серые глаза Веневитинова смотрели на меня в упор, – вы хотите обвинить меня в мошенничестве?

– И в мыслях ничего подобного не держал. За выигранную у вас солонку я получил от Шагиняна десять тысяч долларов.

– Тогда откуда взялась эта копия?

– А вот это я хотел бы у вас узнать.

Веневитинов засмеялся. Во всяком случае, с некоторой натяжкой это можно было считать смехом. Наверное, если мумии когда-нибудь смеются, то делают они это точно как Виталий Алексеевич. Лицо неподвижно, лишь уголки тонких губ слегка подрагивают, а из глубины нутра раздается то ли кудахтанье, то ли дребезжание, а может, и то и другое вместе. В общем, смех был такого рода, который не предполагает совместного веселья, а скорее заставляет насторожиться. Честно скажу, я уважаю Веневитинова, но не люблю. Да и встречаемся мы редко. Хотя иногда он выказывает в мою сторону некоторые признаки симпатии. Или, точнее, то, что при большом желании можно считать признаками симпатии. Тяжелый человек Веневитинов, что там говорить. Тяжелый и непонятный. И мне сейчас вдруг пришло в голову, что в ту счастливую ночь, когда я выиграл кучу долларов и золотого тигра, начался мой Час Невезения. Возможно, виной тому был странный смех Веневитинова.

– Вы меня удивляете, Феликс. Я ведь не присутствовал при вашей сделке с Шагиняном. Как этот тигр очутился у вас?

– Мне его дал Шагинян, во всяком случае, мне так кажется.

– Вы не уверены даже в этом?

– А в чем вообще может быть уверен человек, в которого палят из автомата с расстояния десяти—пятнадцати метров.

– Значит, Шагинян убит? А почему вы живы, Феликс?

– Представьте себе, Виталий Алексеевич, меня этот вопрос тоже интересует. Наверно, виной всему цыганка, которая наворожила мне долгую, хотя и очень беспокойную жизнь.

– А может, кому-то важно было, чтобы вы остались живы и благополучно вернулись домой.

– Зачем?

– Затем, чтобы, проследив за вами, узнать адрес человека, который проиграл вам в карты эту безделушку.

Такая простая мысль мне почему-то не приходила в голову. Что называется, век живи, век учишься. На месте Веневитинова я бы запаниковал от такой мысли, но по лицу Виталия Алексеевича не было заметно, что его взволновала создавшаяся ситуация. Блефует, что ли? Или предусмотрел и такой ход событий в ведущейся с кем-то игре?

– Теперь мне кажется, Виталий Алексеевич, что подделка предназначалась для вас. Просто Шагинян не успел мне этого сказать.

Веневитинов чуть заметно пожал плечами. А мне вдруг пришло в голову, что я совершенно напрасно разоткровенничался с этим в сущности незнакомым мне человеком. Иногда много знать просто вредно, а еще более вредно столь легкомысленно и не к месту демонстрировать свои знания и аналитические способности.

– Есть и другой вариант: золотого тигра подменила женщина-искусствовед, с которой я летел в самолете.

– И как зовут эту женщину?

– Ее зовут Наташа, но это почти все, что я о ней знаю.

– А вас не удивило, что рядом в самолете оказался человек, способный провести экспертизу и направить ход ваших мыслей совершенно по иному руслу? Что вы собирались делать с солонкой, которую считали золотой?

– Скорее всего, сохранил бы как память о бурно проведенном дне.

– Ко мне вы, во всяком случае, не пришли бы. Разве не так?

Виталий Алексеевич был прав: я действительно собирался поставить на этой истории жирный крест. Не исключено, что сегодняшним визитом я подставил Веневитинова. О чем, кстати, нисколько не жалею по той простой причине, что перед этим Веневитинов подставил меня.

– Эту изящную вещицу, Феликс, я выиграл у одного человека. Он и дал мне телефон Шагиняна. Очень может быть, что в ту ночь вы выиграли у меня не только безделушку ценой в десять тысяч долларов, но и судьбу. Я ведь предупредил вас, что солонка имеет свою историю.

Что правда, то правда. Предупреждение было. Но я никак не думал, что за такой безделушкой может вестись столь кровавая охота. На мой вопрос, что он знает о человеке, проигравшем ему эту вещь, Веневитинов только развел руками:

– Я не задаю партнерам вопросов, не относящихся к игре.

Самым умным было бы плюнуть на все и, раскланявшись с Веневитиновым, удалиться к родным пенатам отсыпаться после поездки в столицу. Но интуиция мне подсказывала, что выспаться мне не дадут, как не дадут забыть о нечаянно свалившейся на голову в роковую ночь удаче. Веневитинову я верил и не верил. Все, что он говорил, могло быть правдой, а могло ею и не быть. Я не исключал того, что Виталий Алексеевич специально проиграл мне золотую солонку, чтобы проверить канал сбыта, вызывающий у него определенные сомнения.

Витька Чуев, в отличие от Веневитинова, еще спал, хотя время уже приближалось к полудню. Но для человека, который по преимуществу ведет ночной образ жизни, это еще раннее утро. Причем настолько раннее, что мне с трудом удалось после пятнадцати минут непрерывного звона вызвать шевеление в его квартире. Однако дверь открыл не Чуев, а патлатая девица, которая выпучила на меня явно хмельные глаза и с некоторым усилием произнесла только одну букву, хотя и с выражением:

– О!

– Доброе утро, сударыня,– склонился я в изящном поклоне.– Простите, что побеспокоил вас в неурочный час. Я бы хотел видеть мистера Чуева. Вы его секретарша?

– Э...

– Тогда, видимо, экономка. Вам не холодно, сударыня? Вы по рассеянности забыли набросить на плечи пеньюар.

– А,– сказала экономка, разглядывая себя в зеркале и пытаясь найти на своем молодом цветущем теле хотя бы намек на одежду.– Вы кто такой?

– Граф Строганов, с вашего позволения. Это ничего, что я вас побеспокоил?

Видимо, девушке показалось, что у нее с похмелья начались глюки. Ибо ничто так не сбивает с толку представительниц прекрасного пола, ведущих сексуально распушенный образ жизни, как вежливость, присущая только истинным кавалерам.

– Так где Виктор, вы говорите?

Пока сударыня переживала случившееся с ней поутру то ли реальное, то ли виртуальное приключение, я прошел в спальню джентльмена и вылил ему за шиворот стакан холодной воды. По опыту знаю, что иным способом Чуева не добудиться. А вот на стакан воды он отреагировал живенько. То есть птицей Феникс вспорхнул с дивана и издал душераздирающий вопль. В отличие от голой экономки Чуев был в брюках, рубашке и даже при галстук-бабочке. Правда – без смокинга. На смокинге сейчас сидел я и с интересом смотрел, как мой старинный приятель выдвигает балетные па по комнате, которая одновременно была и гостиной, и спальней, и кабинетом – словом, совмещала практически все функции.

– Ну ты... Ох ты...– Чуев был куда красноречивее своей «секретарши», но красноречие было не того ряда, за которое дают Нобелевскую премию.

– Мне нужна фамилия Наташи и ее координаты,– оборвал я его на полуслове.

– Какой еще Наташи? – Чуеву, видимо, надоело разыгрывать из себя обезьяну, находящуюся в последней стадии маниакального возбуждения, и он обессиленно рухнул в кресло.

Я бросил ему непочатую банку пива, сиротливо стоящую на столе в окружении своих опустевших сестер. Если судить по царившему в комнате беспорядку и внешнему виду

Чуева, то вернулся он вчера поздно и в сильном подпитии. Да и вообще, по-моему, всю последнюю неделю вел разгульный образ жизни.

– Денег нет, старик, – пожаловался Чуев, жадными глотками опустошая банку. – Перед тобой полный и законченный банкрот.

– Банкроту приличнее держать в доме домработницу, а не секретаршу.

– У, – разродилась еще одним звуком девица. – Приперся тут...

Терпеть не могу матерящихся женщин. И, будь у меня больше времени, я обязательно провел бы с экономкой разъяснительную работу, а может, и втянулся бы в воспитательный процесс, поскольку фигурка того стоила, но сейчас мне было просто не до этого, и я пропустил грубый выпад мимо ушей.

– Какая Наташка, Феликс? Вокруг меня крутятся десятки девочек. Я не помню даже, как эту зовут.

– Козел, – пробурчала в сторону нанимателя голая «секретарша» и была, по-моему, абсолютно права. Во всяком случае, я не стал опровергать даму или делать ей замечание. А Чуев оскорбления, кажется, не расслышал.

– Шикарная блондинка с голубыми глазами, – попробовал я набросать словесный портрет искусствоведа. – Ноги длинные, талия осиная. Пять дней назад вы кутили в ресторане «Белый аист» очень развеселой компанией. Я подошел, ты нас познакомил.

– Ну не помню, – наморщил лоб Чуев. – Слышишь, не помню. И вообще, какого черта ты меня разбудил. Теперь весь день голова будет болеть. При чем тут Наташа? Я вообще никакой Наташи в глаза не видел.

– С Каблуковым она была, – напомнила девица. – Все время зыркала на Фелю глазами, а потом уговорила тебя с ним познакомиться.

– К вашему сведению, сударыня, я не Феля, а Феликс, но так и быть, прощаю вашу бестактность в благодарность за ценную информацию.

– Вспомнил, – хлопнул себя по лбу Чуев. – Только она не с Каблуком была, а с Язоном.

– Это что еще за аргонавт появился в наших палестинах?

– А черт его знает, – пожал плечами Чуев. – Но как он меня обул... А точнее, разул, раздел и голым в Африку выпустил.

– Это ты ему все деньги проиграл?

– Ты же знаешь, что я не игрок. А если играю, то в казино по маленькой. А тут как затмение нашло. И ведь везло поначалу. Одно утешает: этот сукин сын тоже продулся. В тот же вечер.

– У кого играли?

– У Каблука. Сколько раз зарекался не садиться за стол с картами в руках, но вот не устоял. Совратили, уговорили, обманули...

– Игра была честной, – вставила свое слово девица. – Сам виноват. Нечего было хвост распускать. Миллионер хренов.

Вообще-то «секретарша» была неправа, в том смысле что Чуев миллионером не был. Богатеньким Буратино был его папенька, числившийся на крупных должностях в областной администрации и ворочавший крупными деньжищами. Так что вопли Чуева по поводу банкротства меня не особенно взволновали. Этот прожигатель жизни отличался одной очень ценной особенностью, а именно: не выходил или почти не выходил за рамки бюджета, очерченного ему отцом.

– Много проиграл?

– Тысяч пятнадцать зелеными, – поморщился Чуев. – Не денег жалко. Вещицу одну поставил. Золотую. Ты же знаешь, мать такие любит. А у нее на днях день рождения.

– Вещицу купил в магазине?

– Нет. Антикварная вещь. Музейная ценность.

– Приблизительно такая? – Я достал из кармана солонку и протянул Чуеву. Виктор вцепился в нее обеими руками и глянул на меня умоляюще:

– Уступи. Как друга прошу. Я ведь грешным делом уже похвастался матери, какую изящную вещицу собираюсь ей подарить. И вдруг такой облом. Она мне этого не простит. Не говоря уже об отце. А я в долгах как в шелках. Ну Феликс, будь другом.

– Разуй глаза, – посоветовал я ему. – Вещица-то не золотая. Это копия.

Чуев расстроено вздохнул и бросил мне на колени солонку:

– Если не везет, то не везет. Нет, у меня другая была вещица: у тебя кошка с крыльями, а у меня конь. Сделан не то в семнадцатом, не то в восемнадцатом веке каким-то известнейшим итальянским мастером. Фамилию с похмелья запомнил.

– Это тебе Наташа сказала?

– Точно, – вскинулся Чуев. – Она ведь искусствовед. Ее Каблуков привел.

– Ты ведь сказал, что она пришла с Язоном.

– Нет, теперь точно помню – с Каблуковым. Я попросил его привести человека, разбирающегося в золотых поделках, вот он и привел эту Наташу.

– А Язон здесь при чем?

– Он этого коня с крыльями продавал. Я его сначала купил у Язона, а потом ему же и проиграл.

– И когда это случилось?

– Говорю же, вчера, – возмутился Чуев. – У тебя что, со слухом проблемы? В час ночи. Может, в два.

Шагинян был убит утром. Даже если брать разницу во времени, то Язон мог это знать и принять необходимые меры. Пока я не очень понимал, в чем тут суть, но Язону зачем-то понадобилось без лишнего шума изъять у покупателя ценную вещь. Ничего определенного я, конечно, не знал, но мог предположить, что именно смерть Шагиняна напугала Язона. Видимо, аргонавт понял, что кто-то начал охоту как за антикварными вещицами, так и за их продавцами. Если честно, то вся эта история с золотыми конями и тиграми нравилась мне все меньше и меньше. И очень может быть, что Витька легко отделался, согласившись против своих правил сесть за карточный стол. Ибо в противном случае ценную вещицу у него могли изъять и куда менее изящным способом, с применением совсем иных средств.

– Ладно, Чуев, собирайся. Едем к Каблукову.

– Ты в своем уме? – завопил Витька. – В такую рань! Нет, я не могу, я разбит, я разрушен, у меня голова раскалывается. Я, наконец, спать хочу. Вот и Верочка не даст соврать.

– Собирайся, дурак. Речь, вполне возможно, идет о твоей жизни.

Видимо, было в моем голосе нечто такое, что заставило Чуева подсуеетиться. Суэта эта, правда, растянулась минут на двадцать, но для Витьки в его нынешнем состоянии это был почти олимпийский рекорд. Надо сказать, «секретарша» проявила куда большую прыть и уже десять минут спустя была одета и накрашена. Похоже, она готова была нас сопровождать хоть на край света, против чего я не возражал, поскольку толку от нее в предстоящем торге с Каблуковым будет гораздо больше, чем от Чуева с его дырявой памятью и ярко выраженным похмельным синдромом.

В отличие от папиного сынка Чуева, Каблуков был профессиональным игроком невысокого пошиба. Из тех, что сосут казино по мелочи, выигрывая тысяч двадцать за вечер. В рублях, конечно. В казино их не любят, но терпят как неизбежное зло. Обычно такие ребята не зарываются, не играют по-крупному, но кто его знает, совсем уж выдержанных и не впадающих в азарт игроков не бывает.

К Каблукову мы опоздали. В том смысле, что у его подъезда уже толкалась милиция, а закрытое простыней тело грузили в желтую машину с красным крестом. Соседи в лице старушек-пенсионеров и шустрых детишек встревоженно наблюдали за работой професси-

оналов. Истомленные жарой, дворовые тополя уныло шелестели листвой вслед отъезжающему в небытие бывшему жильцу. По городским артериям с шумом и лязгом, обдавая всех удушливым чадом, катилась механическая нечисть, а в этом небольшом и уютном дворике время если и не остановилось, то, во всяком случае, замедлило свой скорбный бег.

Конечно, под простыней мог быть и не Каблуков, но посланная на разведку Верочка вернулась в настроении пессимистическом и в два счета развеяла наши надежды на благополучный исход. По словам девушки, убитого обнаружила приходящая домработница, тетя Клава, у которой были ключи от квартиры. Весьма приличной квартиры, если верить Верочке и Чуеву. Сам я у Каблукова никогда не бывал, да и знаком с ним был шапочно. Проживал игрок-профессионал на почти шестидесяти метрах полезной площади в гордом одиночестве. Квартира, опять же по слухам, досталась ему от родителей. Не исключаю, что эти слухи не совсем верны, но меня сейчас интересовало совсем другое – кому и зачем понадобилось убивать Каблукова? Версия ограбления вроде бы отпадала, во всяком случае, тетя Клава никаких видимых следов беспредела не обнаружила, если, конечно, не считать тех, которые оставила кутившая до поздней ночи в каблуковской квартире компания.

– Язон квартировал у Каблукова?

– А черт его знает, – пожал плечами растерявшийся Чуев, глядя осоловелыми глазами на отъезжающую от подъезда машину с красным крестом. – Я же точно помню, что жал ему перед уходом руку, а уходили мы часу в пятом, если не в шестом.

– Уходил он, – возмутилась Верочка. – Вы на него посмотрите. Ты на ногах не стоял. Меня Язон отправил за тобой присматривать, чтобы ты не захлебнулся в собственной блевотине.

– Верочка, я тебя умоляю, – страдальчески поморщился Чуев. – Давай без натуралистических подробностей. Тем более в роковой для меня час. А меня посадят, это точно. Кому же убивать Кольку Каблукова, как не Витьке Чуеву?

Кажется, Чуев успел подлечить свой похмельный синдром, потому и нес сейчас ахиною. Я приказал Верочке обыскать пропойцу, что та с удовольствием и сделала, вытащив из кармана его замшевого пиджака наполовину опустошенную бутылку водки. Реакция, разумеется, последовала истерическая.

– Аристократ собачий, – орал Чуев и уж, конечно, по моему адресу. – Мочить вас, графьев, надо, как в семнадцатом году. Ты кого обидел? Ты потомственного пролетария обидел! Где справедливость, я вас спрашиваю? Где закон?!

Недаром же говорят умные люди: не буди лихо, пока оно тихо. Не успел Чуев помянуть этот самый закон, как он тут же нарисовался у дверцы моего «форда» в лице одетого в темную рубашку и синие джинсы молодого человека с соответствующим удостоверением и казенной значительностью на лице.

– Вы Виктор Чуев? – строго спросил он меня, цепляясь недобрым взглядом за мою физиономию.

– Никак нет, – доложил я. – Вот мои документы.

– А с Каблуковым вы были знакомы?

– Да. Хотел вот навестить приятеля, но запоздал с визитом.

– А когда вы в последний раз виделись с убитым?

– Пять дней назад. Я только сегодня утром прилетел из Москвы, товарищ старший лейтенант, так что с алиби у меня все в порядке.

– А это кто у вас на заднем сиденье?

– Пьянь, – пожал я плечами.

– Оно и видно, – хмыкнул старший лейтенант и отошел от машины.

– А почему он у меня документы не спросил? – от переживаний Чуев заговорил сиплым голосом.

– Видимо, потому, что он тебя узнал, – сказал я и тронул машину с места.

– Но я же свидетель, – заволновался Чуев, оглядываясь назад.

– Ты не свидетель, дурак, а подозреваемый, на что тебе старший лейтенант Скориков деликатно намекнул, дав возможность либо связаться с адвокатом, либо вообще унести ноги.

Дело, судя по всему, было нешуточным. Если верить Верочке, то тетя Клава обнаружила труп Каблукова где-то около десяти утра. Сейчас почти час дня. Следовательно, у правоохранителей было достаточно времени, чтобы по горячим следам установить, кто вчера всю ночь пропьянствовал у Каблукова в квартире. С идентификацией Чуева проблем у сыщиков уж точно не возникло. Его ведь каждая собака в городе знает. Витька у нас не только тунеядец и сибарит, он еще и подрабатывает на телевидении в одной довольно популярной передаче. К тому же сын весьма влиятельного в городе лица, Романа Владимировича Чуева. Вероятно, именно последнее обстоятельство повлияло на, мягко так скажем, странноватое поведение старшего лейтенанта Скорикова и его коллег.

– Кто кроме вас с Витькой был в ту ночь у Каблукова? – спросил я у Верочки через плечо.

Память у девушки была хорошая, соображала она тоже на удивление быстро. Да и выпила она, судя по ее бодрому нынешнему виду, куда меньше пропойцы Чуева. Во всяком случае, сомневаться в достоверности ее показаний не приходилось. Веневитинов, по словам Верочки, ушел еще часов в одиннадцать, когда почтенная, но в пух и прах проигравшаяся публика была еще относительно трезва. После завершения игровой части начался никем не контролируемый загул с взаимными претензиями разгоряченных водкой людей.

– И доругались они до того, что подрались?

– Клевета, – подпрыгнул на заднем сиденье Чуев. – То есть мы действительно поссорились. Не знаю, правда, из-за чего. Но драки не было. Я ему пару раз дал по морде, и все.

– Их Язон с Костенко разнимали. Костенко потом ушел. Каблук еще немного погундел, повякал и отправился спать. А Витька с Язоном еще часа два водку лакали.

– И больше никого в квартире не было?

– Машка Носова была, но она ушла вместе с Костенко.

Даже из рассказа Верочки становилось очевидным, что дела Чуева плохи. Каблуков вполне мог скончаться от удара, полученного в драке с Витькой не сразу, а немного погодя. Но даже если моего приятеля подставили, то сделали это настолько ловко, что так просто ему не отмыться. Не то чтобы Чуев был завзятым хулиганом, но в пьяном виде иногда выходил за рамки дозволенного. И за дебоши раза два даже попадал в милицию. Обдуманно убивать Каблукова он, конечно, не стал бы ни при каких обстоятельствах. Но нанести в пьяном виде удар подвернувшимся под руку тупым предметом смог бы.

– А куда делся Язон?

– Он ушел с нами. У Язона в кармане был билет на поезд, уходящий в пять часов утра. Он помог Ваське погрузить Чуева в машину, помахал нам рукой и был таков.

– Подожди, а откуда взялся Васька?

– Я позвонила Роману Владимировичу, и он прислал машину. Чуев-то был неменяемым. А Язон побоялся, что они с Каблукочком очухаются и опять примутся выяснять отношения.

В принципе все вроде бы сходилось. И в поведении Язона не было ничего предосудительного и подозрительного. Наоборот: он проявил редкую прозорливость, позаботившись об эвакуации пьяного знакомого из чужой квартиры, дабы помешать дальнейшему разрастанию конфликта. И, если бы не золотые тигры и кони, инцидент можно было считать самым что ни на есть обычным. Ну перепились, передрались, случайно нанесли человеку удар в височную область, отчего тот вскорости скончался. Вполне заурядная история. Таких историй в милицеевских протоколах – вагон и маленькая тележка.

От асфальта перед чуевским подъездом пахло свежестью. Его только что заботливо полили водой. Разумеется, такая забота была не случайной. Дом был элитным, и проживали здесь в основном значительные лица.

Роман Владимирович глянул на провинившегося сынка глазами разъяренного тигра. Хорохорившийся Чуев разом сник, похоже, даже травивший мозги алкоголь не помешал ему понять, что он крупно подставил своего родителя, безотносительно к тому, чем закончится это дело. Виновен Витька или не виновен, но скандал в прессе Чуеву-старшему обеспечен. Расторопные оппоненты такой имидж ему нарисуют, что мало точно не покажется. Я Роману Владимировичу сочувствовал. Во-первых, потому что уважал, а во-вторых, мне доводилось оказывать ему кое-какие услуги на политическом и экономическом поприще, и должен признать, что оплачивались они по первому разряду. Конечно, определенную роль здесь играло и то обстоятельство, что Роман Владимирович знает меня чуть не с пеленок, ибо нашей с Витькой дружбе уже почти три десятка лет. В общем, мне Роман Владимирович доверял, и я оправдывал это доверие.

Если бы не наше с Верочкой присутствие, то Витька вполне мог схлопотать по шее. Роман Владимирович был чадолюбив, многое отпрыску прощал, даже, на мой взгляд, слишком многое, но всему есть предел. Я лично считал, что хорошая оплеуха была бы Витьке только на пользу, но его мама Нина Васильевна была иного мнения и сделала все от нее зависящее, чтобы собравшаяся над головой ее ненаглядного чада гроза громыхнула где-нибудь в стороне. Увы, кроме отцовского гнева Чуеву-младшему грозили и еще кое-какие неприятности, и отвести их материнской руке вряд ли удастся.

Пока Нина Васильевна приводила своего окончательно раскисшего сына в божеский вид, мы с Романом Владимировичем обсуждали ситуацию в его кабинете. Новая чуевская квартира была для меня пока еще в диковинку. И, если честно, старая мне нравилась больше. Была она привычнее, поскольку я провел в ней немало времени, и уютнее.

– Что ты об этом думаешь? – Роман Владимирович предложил мне кофе, и я не отказался.

– Доказать, что это Виктор нанес Каблукову смертельный удар, будет практически невозможно.

– На предмете, которым был нанесен удар, остались отпечатки пальцев. Принадлежат они, скорее всего, Витьке. Кроме того, сразу два свидетеля утверждают, что это именно он нанес роковой удар.

– Верочка говорит, что в свалке участвовали четверо. Удар мог нанести любой. После удара Каблуков поднялся, даже какое-то время сидел за столом и лишь потом ушел в спальню. А отпечатки Виктор мог оставить и после драки. Он ведь еще добрых два часа пробыл в той квартире. Есть и еще одно обстоятельство, которое Виктору на пользу, – сбежавший Язон.

– А почему ты решил, что он сбежал?

– Есть кое-какие основания так думать. Вот из-за этой кошечки с крыльями меня едва не застрелили в Москве.

Чуев-старший выслушал мой пересказ московских приключений с большим вниманием.

– Так ты считаешь, что Каблукова убили не случайно?

– Я почти уверен в этом. Язон заметал следы. А Каблуков, видимо, слишком много знал. Язон при свидетелях спровоцировал ссору между пьяненьким Витькой и Каблуковым, потом отвел последнего в спальню и нанес ему смертельный удар. После чего вытер с тяжелого предмета следы своих пальчиков и дал подержаться за него Виктору.

– А поведение этого Веневитинова тебе не показалось подозрительным?

– Более чем. Это очень серьезный игрок, Роман Владимирович. И не Виктору, конечно, с ним тягаться.

Роман Владимирович собрался было высказать по адресу сына несколько ласковых слов, но в последний момент передумал. Вспыхнувшую ярость он погасил другим способом: поднялся с обтянутого кожей кресла и прошелся по обширному кабинету, заложив руки за спину. Чуев-старший и в пятьдесят лет не потерял стройности фигуры, да и вообще смотрелся моложе своих лет. Не при Нине Васильевне будет сказано, но дамы благоволили к Роману Владимировичу до сих пор. И дело было далеко не только в деньгах. Чуева-старшего нельзя назвать писанным красавцем, но подобные жестковато-волевые лица нравятся женщинам. В общем, если говорить о внешности, Витька унаследовал от своего отца очень много хорошего, а вот что касается характера, то увы. По сравнению с глыбой-отцом Чуев-младший был размазня. В детстве я Витькиного отца слегка побаивался и старался улизнуть из гостеприимной квартиры, когда он появлялся на пороге. Тогда он мне казался очень суровым человеком. Мое мнение о нем с тех пор не слишком изменилось, но наши отношения переросли почти что в дружбу.

– Опиши мне, как выглядит этот Веневитинов.

Однако мое описание ничем не помогло Роману Владимировичу, он только с сомнением качал головой да поджимал и без того тонкие губы.

– Вы думаете, что это Виталий Алексеевич организовал суету с распродажей золотых вещичек?

– Все может быть, Феликс. Вряд ли случайно два близких мне человека, Виктор и ты, оказались замешаны в сомнительную историю. Я по своим каналам попробую навести справки и о Веневитинове, и о Язоне, но и тебе, Феликс, следует поднапрячься. Ситуация достаточно острая. Вот тебе тридцать тысяч долларов. У тебя будут расходы. Отчета за потраченные деньги я с тебя спрашивать не буду, но мне нужен результат. И уже по этому результату мы договоримся о конечной оплате.

Тридцать тысяч долларов – это приличная сумма, во всяком случае для меня, но не умопомрачительная. Я достаточно трезво оценивал свое положение и пришел к выводу, что в сложившейся ситуации, скорее всего, придется рисковать головой. Винить в этом Чуева-старшего было бы глупо по той причине, что в игру я оказался вовлечен не его стараниями, а волею случая или судьбы. Скажу более: я и без чуевских денег это дело так просто не оставил бы. Уж слишком я любопытный человек. Другое дело, что материальное стимулирование всегда благотворно действует на мои умственные способности, а перспектива получить достойный приз в случае победы мобилизует внутренние резервы.

Деньги я взял и пообещал Роману Владимировичу потратить их с пользой для дела. А степень доверия между нами была настолько высока, что он даже не потребовал от меня расписки.

На лестнице меня догнала Верочка:

– Подвези до дома, граф.

– Всегда рад помочь даме, попавшей в затруднительное положение.

Верочка мне показалась девушкой неглупой, хотя и ведущей разгильдяйский образ жизни. Повадки и прикид выдавали в ней представительницу далеко не элитарного сословия нашего безобразно расколовшегося по имущественному признаку общества. Проще говоря, нищета родителей, не способных обеспечить красавице безбедную жизнь, заставляла ее самостоятельно шевелить как извилинами, так и ножками. До откровенной проституции она пока еще не опустилась, но приживалкой при богатеньких оболтуссах ее уже можно было назвать.

– Я хочу с тобой работать, Строганов, – сказала бойкая девица, утвердившись на правах пассажирки в моей машине.

– Смелая претензия, – усмехнулся я. – Но, как вы понимаете, сударыня, одного вашего желания мало, требуется еще и мое согласие. Сколько вам лет?

– Двадцать два года. Образование высшее. Экономист по профессии. Умна, наблюдательна. С хорошей внешностью. Без комплексов.

– Прямо букет достоинств. Если бы вы просились за меня замуж, я бы, пожалуй, не устоял. А недостатки у вас есть?

– Есть. Я нищая. Кстати, можешь говорить мне «ты».

– Тыкаю я только тем женщинам, которым доверяю. А потом, с чего вы взяли, что я могу быть вашим работодателем? И что вы вообще обо мне знаете?

– Знаю, что твои родители врачи. Отец доктор наук. Умер год назад. Есть сестра. Замужняя. Живешь ты один. Женат не был. Хотя на баб падок. А что касается твоей деятельности, то о ней не пишут в газетах, даже в разделе «Криминальная хроника». Зато подобная деятельность очень хорошо оплачивается. Именно это меня и привлекает.

– Сведения, прямо скажу, небогатые. И почерпнуть ты их могла из одного источника. Я имею в виду Витьку Чуева, он, когда выпьет, становится болтливым.

– Иными словами: ты мне отказываешь?

– Иными словами: я пока не знаю, с кем имею дело. Очень может быть, что вас ко мне подослали недруги. Не исключено, что умственные ваши способности не соответствуют заявленным претензиям. И толку от вас не будет никакого. Вы, сударыня, пытаетесь пробраться в те сферы, где не делают скидки на женские слабости. В большой игре не бывает ни мужчин, ни женщин, там бывают только оппоненты, и этих оппонентов, случается, устраняют. Это тоже входит в правила игры.

– Пугаешь?

– Нет, предупреждаю. А что касается сотрудничества, то я готов вам заплатить небольшую сумму за сведения об известной вам Наташе. Причем меня интересует все, что касается этой женщины. Сфера деятельности, круг знакомств, источники существования, привычки, привязанности – словом, все.

– И какая это сумма, если не секрет?

– А какая вам разница, Вера, если вы действительно рассчитываете на долгосрочное сотрудничество?

– Все-таки первый гонорар, – вздохнула Вера. – Мог бы и войти в положение неофитки.

– В игре нет новичков, а есть только выигравшие и проигравшие. У вас есть все шансы оказаться в числе последних, даже не начав игру.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что нас преследуют вот уже целых десять минут какие-то бяки, и намерения у них явно недружественные.

Я сказал Вере правду. «Мерседес» сел мне на хвост буквально в двух шагах от чувского дома, и все мои попытки от него оторваться ни к чему пока не привели. По-моему, люди, сидевшие в белой забугорной машине, решили поиграть на моих нервах. Если так, то им это удалось. Я был сбит с толку и терялся в догадках. Конечно, все это могло быть просто блефом, но дело в том, что я даже понятия не имел, кто вздумал играть со мной в кошки-мышки.

Никакого смысла в таком демонстративном преследовании не было, если, разумеется, эти люди не собирались меня убивать. Хотя и убивать меня вроде тоже было не за что. Никакой эксклюзивной информацией я пока не располагал. Разве что меня стоило припугнуть, чтобы я знал свое место.

– Пригнись, – успел я крикнуть дебютантке.

«Мерседес» пошел на обгон, и из приоткрывшейся двери дважды выстрелили в лобовое стекло моего «форда». Я пережил несколько весьма неприятных секунд, но руль все-таки

удержал и тем самым, возможно, сохранил жизни нескольким потенциальным пассажирам, стоявшим на автобусной остановке. «Мерседес» набрал ход, мигнул габаритными огнями и лихо свернул в ближайший переулок. Разумеется, преследовать я его не стал.

– С боевым крещением вас, сударыня.

– Это в нас стреляли? – ошалело спросила Вера, поднимая голову с моих колен.

– И не только стреляли, но и попали, – показал я ей на отверстие, испохабившее лобовое стекло моего «форда».

– И часто так бывает?

– Каждый день, во всяком случае, в последнее время. Так вы по-прежнему настаиваете на сотрудничестве, сударыня?

Надо отдать должное Вере, она не выглядела слишком испуганной. Возможно, просто не прочувствовала ситуацию. Момент выстрела она не видела, а две дырки в лобовом стекле выглядели слишком уж по-киношному, чтобы вызвать трепет в привыкшей к голливудским разборкам душе. Меня тоже хоть и прошиб пот, но не до дрожи в коленях. Во всяком случае, в Москве переживаний было больше. А сегодня мне показалось, что меня скорее пугают, чем пытаются убить. Хотя, с другой стороны, такие хулиганские действия на улицах города были чреваты большими неприятностями как для случайных прохожих, так и для случайных проезжих, и люди, устраивающие среди бела дня стрельбу в самом центре города на оживленной магистрали, должны же были это понимать. Если уж им приспичило меня поугагать, то могли бы выбрать более безлюдное место. К счастью, никто, кажется, не пострадал. Да и большого переполоха на дороге прозвучавшие выстрелы не вызвали. Раздалось несколько удивленных автомобильных гудков по поводу чужого ничем не спровоцированного хамства, и на этом все закончилось.

– Останови машину, мне здесь недалеко.

– Вы передумали, сударыня?

– Нет, не передумала. Дай мне свой номер телефона, я позвоню, как только что-нибудь узнаю о Наташе. Всего хорошего, граф Феля.

Терпеть не могу, когда меня называют Фелей. Это имечко изобрел Витька в пору, когда слово «Феликс» ему никак не давалось по причине нежного возраста. И всю жизнь мне пришлось против этого его дурацкого изобретения бороться. Впрочем, во времена советские меня и прозвище «Граф» жутко возмущало, но за время недоразвитой демократии я к нему притерпелся. Тем более что неожиданно для меня большая буква «Г» в этом слове превратилась в маленькую, а обидное некогда прозвище, придуманное все тем же Чуевым, но уже гораздо позднее, когда он зачитывался романами из отечественной истории, с течением времени превратилось почти что в титул.

Носову я перехватил на выходе из подъезда. С ней был Вадик Костенко, что меня как нельзя более устроило. С Вадиком я учился в институте, который он, в отличие от меня, все-таки закончил. Какое-то время он работал в клинике моего отца, но на избранном поприще не преуспел и сейчас перебивался случайными заработками.

– До казино не подбросишь, Строганов?

– Садитесь. А ты что, на работу?

Костенко тоже играл в казино, но профессионалом вроде Каблука не был. Выдержки ему не хватало, и частенько он спускал больше, чем выигрывал. Ходили слухи, что умерший дядя оставил ему наследство, но насколько они верны, я затрудняюсь ответить. С голоду, однако, он не умер, даже забросив медицину, которой кормился несколько лет.

– Просто развеяться решил, – отозвался Костенко. – Ты уже, конечно, слышал про Каблука?

– Слышал, – сказал я, трогая машину с места. – Одно только не понял, с чего это вы с Марией начали на Витьку стрелки переводить?

Глянул я при этом не на Вадика, а на Носову. Та еще была девушка. А если выразаться всерьез и невысоким стилем, то более прожженной бабенки мне встречать еще не приходилось. Хитра, как лиса, коварна, как интриганка при дворе короля Людовика Четырнадцатого. Между прочим, мы все трое: я, Витька и Машка учились в одном классе. Никаких особо пылких чувств мы с ней друг к другу не питали, но в ее постели я отметился еще в годы отроческие. И даже лишил ее девственности, чего она мне по сию пору не может простить. Припоминает при каждом удобном случае. В шутку, конечно. Ибо наш с ней школьный роман никак не отразился на ее дальнейшей жизненной карьере. Девочка Маша за десять лет трижды успела выскочить замуж и дважды развестись, а одного мужа похоронила так удачно, что осталась не просто вдовой, а вдовой богатой. Не сочтите эти слова намеком на причастность Машки к его смерти, просто так сложились для нее обстоятельства.

– Я тебя умоляю, граф,– всплеснул руками Вадик.– Ничего мы на Витьку не перево-
дили. Но на этом подсвечнике или канделябре, не знаю, как он там называется, действительно остались чувевские пальцы. Он этой бронзовой штуковиной размахивал как сумасшедший. Да еще и орал, что таких, как Каблук, надо убивать непременно этим самым канделябром. Мы его с Язоном еле удержали.

– Так ударил он Каблукова или нет?

– Ударил,– твердо отозвалась с заднего сиденья Носова.– Или, как утверждает следствие, нанес тяжкие телесные повреждения, приведшие к смертельному исходу.

– Я момент удара не видел,– заюлил Костенко.– Так и следователю сказал. Но Каблук репу чесал, это точно. А врачи говорят, что у него отек мозга. А мы ведь ничего не заметили. Ну спит и спит. А он, оказывается, уже умер.

– Значит, канделябром, говоришь? – обернулся я к Марии.

– Канделябром, дорогой мой Феликс, в лучших традициях русского аристократического загула. Тебе бы такая смерть понравилась.

Носова засмеялась. Смех был трескучий и злой, как у Бабы-яги в тюзовском спектакле. До возраста Бабы-яги девочке Маше еще далеко, но морально-нравственными качествами она ей и сейчас не уступит. Непонятно только, с чего это наша красавица взъелась на Витьку. Доходили до меня, правда, смутные слухи о ее слишком тесных отношениях с Романом Владимировичем, но, честно говоря, я в это не слишком верил. И даже не исключал, что слухи эти распускала сама Носова. Веселой вдове все время хотелось быть на виду, и когда не было повода для скандала, она изобретала его сама. Такая уж у нее натура, и я менее всего склонен был ее за это осуждать. С другой стороны, мстительность за поражения на любовном фронте вроде бы не в ее характере. Во всяком случае, я до сих пор ходил неотомщенным, и отношения наши всегда были дружескими. К Витьке Носова тоже вроде бы неплохо относилась, но тогда тем более непонятно, с чего это вдруг она принялась его топить, вместо того чтобы обернуться если не поплавком, то хотя бы соломинкой, за которую мог бы ухватиться терпящий бедствие бывший одноклассник.

– Ты дурак, Феля,– сердито бросила Мария.– До сих пор не догадался, с кем имеешь дело в лице Чуева-старшего.

– Кое-что я знаю. Но ты забываешь, что Витька мой друг.

– При чем здесь Витька? – отмахнулась Машка.– Я уже не говорю о том, что ты слишком большой эгоист для преданного друга.

– Ты не находишь, что наш с тобой спор все более перерастает в семейную сцену? Вадику неловко нас слушать.

На этот раз Машкин смех был на удивление мелодичным – словно колокольчик зазвонил. Намек на наши прежние отношения, видимо, пришелся ей по душе. Будь Машка всегда такой, я бы в нее, пожалуй, влюбился, а то еще, чего доброго, женился бы. Но, увы, эта на

редкость красивая и лицом и фигурой женщина обладает характером мегеры, что обещает ее будущему, уже четвертому по счету избраннику беспокойно-сварливую старость.

– Как имя и фамилия этого Язона? – спросил я у Костенко.

– Костей его зовут. Я запомнил, потому что с моей фамилией созвучно. Фамилия, кажется, Кузнецов. Но он предпочитал, чтобы его звали Язоном.

– А что ты знаешь о Веневитинове?

– Я его вообще плохо знаю. Встречались несколько раз у Каблукова. Кажется, он интересовался антиквариатом.

– Веневитинова с Язоном познакомил Каблуков?

– Вероятно. На беду последнего. Виталий Алексеевич всех нас обчистил. Положим, у меня немного и было. Мария вообще за стол не садилась, но Чуев с Язоном погорели крупно.

– А разве Чуев золотого коня не Язону проиграл?

– Язону. Но потом карта повалила Веневитинову. Язон было заартачился, не хотел золотого коня на кон ставить. Каблук его поддержал. Вот тогда у них и вышла ссора с Чуевым. Витька требовал продолжения игры и был по-своему прав. Поскольку эта летающая штука-вина была его.

– В этот момент они подрались?

– Нет. Подрались они позже, когда Веневитинов уже ушел и унес золотого коня. Язон жутко расстроился. И Каблук почему-то тоже. Хотя непонятно, с чего этому-то огорчаться. Он и проиграл немного, ну от силы две-три тысячи баксов.

– А ты почему не играла? – спросил я у Носовой.

– Веневитинов мне не по зубам, – мягко улыбнулась она. – Не скажу, что он играет нечисто, но с что-то с ним не так.

– А что не так?

– Считаю, что это женская интуиция.

Любопытная складывалась ситуация. А я ведь грешным делом заподозрил, что Язон с Веневитиновым работают вместе. Впрочем, отбрасывать эту версию и сейчас преждевременно. Нельзя исключать, что эти двое просто морочат голову доверчивым лохам, изображая соперничество. Но на основе полученной от Носовой и Костенко информации можно выдвинуть и еще одну версию: Веневитинову зачем-то понадобились золотые изделия, которые сбывал Язон.

– А ты почему не на машине? – спросил я у Носовой.

– Машина моя сломалась. Сплошная невезуха в последнее время. Может, зайдешь с нами в казино? Даром, что ли, ты у нас счастливый. Глядишь, отблеск счастья и на меня упадет.

– Давненько я не держал в руках шашек, – процитировал я известного героя. – В смысле фишек.

– Тогда тем более пойдем, – стояла на своем Мария. – Наверняка выигрыш нам обеспечен.

Я не люблю играть в казино, а уж в рулетку тем более. Однако и ссориться со старой подругой не хотелось. Мне показалось, что у Машки какое-то ко мне дело, даже предложение, но она, по своему обыкновению, не спешит открывать карты.

В казино было довольно многолюдно, что и неудивительно в это время суток. Самые любимые заведением клиенты, то бишь богатые, озабоченные деловыми проблемами дяди, для которых казино всего лишь развлечение, собираются здесь именно в эту пору. Бизнесмену в принципе все равно, выиграть или проиграть, ему важнее снять стресс, отвлечься от повседневности и утопить в азарте свои проблемы. Бывают, конечно, и катастрофы, когда игра затягивает человека до такой степени, что он спускает все, включая и здравый смысл. Но такие неприятности случаются гораздо реже, чем думают многие. В конце концов, бизнес

ведь тоже игра, и во многом не менее увлекательная, чем рулетка. Не говоря уже о политике. Вот где присущий человеку азарт может реализоваться в полной мере.

– А почему «девять»? – с интересом посмотрела на меня Носова.

– Волшебное число, – усмехнулся я.

И, как вскоре выяснилось, оказался неправ. Выпало «двадцать пять» под огорченный вздох Машки и ехидное похихикивание Костенко, который, между прочим, тоже проставился.

– Еще раз девятка? – спросила Носова.

– Семерка, – сказал я, увеличивая ставку сразу в пять раз. – Я потом объясню почему.

Крупье посмотрел на меня с интересом. На лице сдержанного элегантного молодого человека промелькнуло даже нечто похожее на улыбку, хотя обычно служители игры, как жрецы древнего культа, носят маску непроницаемости и полного равнодушия к горестям и радостям малых сих.

Я угадал. Костенко не удержался от завистливого восклицания. Вадик, как я давно заметил, вообще крайне болезненно переживает чужую удачу, может быть, именно поэтому ему редко везет в карты и рулетку.

– Шестнадцать.

Носова взглянула на меня с испугом, но подчинилась. Костенко, твердо уверенный, что дважды подряд угадать правильное число не способен никто, вообще воздержался от ставки и был посрамлен судьбой и случаем. Ибо выпало все-таки шестнадцать.

– Чтоб ты провалился, граф Феля, – расстроено выругался Вадик. – Недаром же говорят, что тебе черт ворожит. А тут хоть топись.

Сумму нашего с Марией выигрыша я называть не стану. Среди игроков это не принято. Счастье ведь не измеряется в центах и процентах. А что до казино, то подобные редкие события делают имя заведению и привлекают к игровым столам больше народу, чем любые самые хитроумные рекламные ходы. Слух о двойной удаче сразу же распространился по игровым залам, вызвав повышенный интерес именно к рулетке. Я нисколько не сомневался, что этот вечер будет счастливым для казино, ибо чужой пример заразителен, и деньги на кон будут брошены нешуточные.

– Так почему ты начал с девяти? – Мария расположилась у стойки с бокалом в руке, и ее направленные на меня глаза искрились весельем.

Я уже говорил, что женщина она небедная. Так что вряд ли потеря ставки в казино ее очень бы огорчила, точнее, ее не огорчила бы потеря денег, но выигрыш кроме денежного эквивалента несет в себе еще и надежду на то, что загулявшая где-то фортуна повернула наконец к нам свое лицо. Я абсолютно уверен, что в эту минуту Мария меня обожает столь же искренне, как Вадик Костенко ненавидит. Ибо для нее я олицетворение удачи, тогда как для него всего лишь наглый выскочка, перехвативший предназначенную ему улыбку судьбы.

– Девятка вообще удивительное число. К какой бы цифре ты ее ни прибавлял, в результате получаешь то же самое.

– Это как? – не поняла меня Носова.

– Прибавь к семи девять, и в результате ты получишь шестнадцать. А один и шесть в сумме дают все ту же семерку.

Заинтересованная Мария стала проводить в уме несложные подсчеты и, хотя никогда не блистала математическими способностями, усвоенные в школе правила сложения позволили ей убедиться в том, что я все-таки прав.

– А почему «семь»?

– Мне было семь лет, когда мы с тобой познакомились. И шестнадцать, когда я тебя соблазнил.

– Положим, это я тебя соблазнила, – запротестовала Машка. – Ты был тогда скромным и застенчивым до тошноты.

Если честно, то я себя скромным и застенчивым не помню, но спорить с женщиной я не стал – в конце концов, со стороны виднее. Какая разница, кто кого соблазнил, если факт, как пишется в протоколах, имел место. Зато я теперь знаю, кому переадресовывать претензии по поводу собственного поведения, если оно кому-то покажется вызывающим.

– Будешь еще играть? – спросил я ее.

– Нет, хватит испытывать судьбу. Ко мне поедет или к тебе?

– К тебе. Я несколько дней не был дома, и в холодильнике у меня хоть шаром покати.

Нельзя нам было расставаться в этот день, не завершив удачные похождения счастливым аккордом. Не говоря уже о том, что нам обоим этого хотелось. Тлеющая на протяжении десятка лет симпатия вдруг запылала жарким костром. Сомнений в том, что этот костер быстро прогорит, у меня практически не было, но это еще не повод, чтобы не погреться у огня хотя бы одну ночь.

У Носовой была очень и очень приличная квартира. Кажется, она досталась ей от третьего мужа. Чрезвычайно достойный был человек, но умер на взлете деловой карьеры. И, что самое обидное, умер не от пули, а от сердечной недостаточности в возрасте вполне цветущем и пригодном для счастливой жизни. По-моему, ему не было и пятидесяти.

У Марии имелся, надо признать, большой опыт обращения с мужчинами, и не только в постели. Я был обласкан, зацелован и накормлен, что для человека, прошедшего чуть ли не целую ночь в полете и успевшего только раз поесть за целые сутки, было обстоятельством немаловажным.

– Так о чем ты хотел от меня узнать?

– А разве я хотел?

– Я тебя слишком хорошо знаю, Строганов, чтобы поверить в твое бескорыстно вдруг вспыхнувшее ко мне чувство.

– Ты не права. Я к тебе очень хорошо отношусь. К тому же всегда приятно хоть ненадолго вернуться в пору своей юности.

Машка лежала на боку, а я на спине, и свет позволял нам смотреть в глаза друг другу. Другое дело, что вопреки мнению романистов в этих самых глазах мало что удастся прочесть. Во всяком случае, я не рискнул бы утверждать, что способен по глазам прочесть чьи-то мысли. Настроение можно угадать, да и то не всегда. Смею надеяться, что и Машке мои мысли недоступны. Не то чтобы в них содержалось нечто для нее обидное, а просто мало приятного в том, что кто-то заглядывает в потаенные уголки твоей души. Далеко не всегда, к слову, чистые уголки.

У меня было ощущение, что я занимаюсь любовью в музее. Машкина квартира оказалась под завязку забита антиквариатом. Садиться, а уж тем более ложиться на коллекционную мебель было как-то даже неловко. Все время чудилось, что вот-вот войдет музейный служащий и попросит нас выйти вон. Я сказал об этом Машке, но она в ответ только рассмеялась. Видимо, привыкла жить среди вещей, принадлежащих во времена оны графьям, царям, баронам и прочим того же сорта буржуям, ибо трудно поверить, что деревянное ложе, на котором мы сейчас вольно раскинулись, извлечено из каморки пролетария. Или досталось Машке от ее бабушки, которая, к слову, была крестьянкой. Я это говорю с уверенностью, поскольку очень хорошо знал и бабушку Марии Носовой, и ее родителей, простых рабочих, живших от получки до получки, но добродушных и гостеприимных. Не считите меня моралистом, но я никак не могу понять, откуда взялась эта тяга к пошлой роскоши у их единственной дочери, которая возлежала на королевском ложе с видом порфирородной принцессы, принимающей знаки внимания от залетного графа. Смущали меня и картины, развешанные по стенам спальни, с которых неизвестные дамы и джентльмены беззастен-

чиво пялили на нас глаза, сравнивая свои и наши телесные достоинства, благо недостаток одежды на всех без исключения присутствующих здесь персонажах это позволял.

– А что говорил Язон, предлагая товар покупателям?

– Сказал, что выиграл пегаса в карты. А там иди проверь. Но я точно знаю, что это неправда. Иначе Язон не стал бы устранять Каблукова.

– А ты уверена, что это именно он его устранил?

– Не бил Чуев Каблука канделябром по голове. Я ведь не настолько пьяна была, чтобы этого не заметить.

– А откуда вообще канделябр взялся?

– У Каблукова в квартире подобных медных и бронзовых штучек еще больше, чем у меня. Он же коллекционер. У него были давние приятельские отношения с моим покойным мужем.

– А кто тебя пригласил в этот раз к Каблукову?

– Вадик. Он у нас мальчик на побегушках. Каблуков его услугами часто пользовался.

– А ты?

– Я тебя умоляю, Феликс. У Вадика совсем другая ориентация. Ты же знаешь, он племянник моего третьего мужа. Хотя, надо честно признать, во всех этих вещичках он разбирается лучше меня. И, если возникает необходимость что-то продать, лучшего агента не найти.

– А кто принудил вас дать показания против Витьки Чуева?

Мария ответила не сразу, но все-таки ответила:

– Они раздолбали мою машину.

– Кто они?

– Понятия не имею. Машина стояла на стоянке. Ущерб, конечно, не ахти какой, но тут ведь не в машине дело. Мне они грозили куда более серьезными неприятностями, если вздумаю шутки с ними шутить. В принципе, я ничего против Витьки не имею, но, сам понимаешь, своя рубашка ближе к телу. Можешь передать Роману Владимировичу, что если он гарантирует мне защиту от этих отморожков, то я готова изменить свои показания.

– Ты думаешь, эти люди способны исполнить свою угрозу?

– Не смей меня, Феликс. Я одинокая женщина, а у нас с легкостью отправляют на тот свет сильных и уверенных в себе мужчин. С тобой ведь тоже не шутки шутили, и две дырки на лобовом стекле твоего «форда» тому подтверждение.

Здесь Мария была права. Конечно, я мог бы дать гарантии Носовой и от своего имени, и от имени Романа Владимировича, но она не настолько наивна, чтобы поверить нам на слово.

Телефонный звонок, разбудивший меня поутру, вроде бы не должен был иметь ко мне отношения, ибо проснулся я в чужой квартире, однако неизвестный абонент настаивал на разговоре именно со мной. Я взял трубку без большой охоты, а грубый голос, завибрировавший в моей ушной раковине, и вовсе привел меня в дурное расположение духа. Вот ведь хамье, прости господи, будят человека ни свет ни заря только для того, чтобы высказать ему ряд абсолютно пошлых пожеланий. Подобного рода угрозы, возможно, и способны вызвать дрожь в коленях у неврастеников, но я, к счастью, к ним не принадлежу. Другое дело, что неожиданный прессинг со стрельбой и угрозами по телефону навел меня на мысль, что во всем этом есть еще и третья, чрезвычайно агрессивно настроенная сторона, не имеющая никакого отношения ни к Язону, ни к Веневитинову.

– Если я вас правильно понял, милостивый государь, вы настаиваете на встрече?

– Я тебе пасть порву, козел.

– Ловлю тебя на слове, милейший. И если ты не сумеешь выполнить свою угрозу, то я тебе задницу надеру. До встречи, ублюдок.

Машка смотрела на меня с сочувствием. Видимо, она слышала расточаемые мне угрозы, поскольку я держал трубку на отлете, дабы не травмировать барабанные перепонки.

– Это не он тебе угрожал случайно?

– Манера разговаривать та же. Ты что, действительно собираешься с ним встретиться?

– Надо же наконец узнать, что этим придуркам от меня требуется.

Встреча была назначена в людном месте, так что убивать меня, скорее всего, не собирались. Другое дело, что я понятия не имел, с кем мне предстоит встречаться. Не исключено, конечно, что подельники Шагиняна прилетели следом за мной из Москвы, чтобы потребовать от меня полученные за золотую солонку деньги. Если это так, то сразу могу сказать – зря они тратились на билеты. Я не принадлежу к тем людям, которые легко расстаются с заработанными с риском для жизни деньгами.

Я остановил свой «форд» в десяти шагах от газетного киоска, как мне и было предложено, и стал ждать. Прямо скажем, небольшое это удовольствие торчать в жаркую безветренную погоду на оживленном перекрестке, вдыхая легкими удушливые газы, щедро расточаемые автолюбителями самых разных моделей. Разумеется, я не враг прогресса, но только до той поры, пока прогресс не становится моим врагом.

Я предполагал увидеть братскую чувырлу с пальцами веером, однако ко мне подсел интеллигентного вида немолодой человек, одетый, несмотря на жару, в пиджачную пару, с благородной сединой на висках и изящной тросточкой в руках.

– Красильников, – назвал он себя. – Гога вас не слишком напугал по телефону?

– Он напугал даму. И при первой же встрече я свою угрозу исполню – надеру ему задницу.

– Сделайте милость. Я пытался привить мальчику хорошие манеры, но мне это не удалось.

– Должен вам сказать, что вы посредственный педагог, господин Красильников. Насколько я понимаю, вы знакомый Шагиняна?

– Браво, господин Строганов, вы очень догадливый человек.

– Кстати, вы собираетесь платить за испорченное вашими олухами лобовое стекло моего «форда»? Это просто безобразие, господин Красильников. Разумные люди сначала ведут переговоры, а потом стреляют, вы же поступаете наоборот. Что, согласитесь, характеризует вас не с лучшей стороны.

– Извините, сорвался. Кроме того, мы полагали, что вы человек царя Мидаса, подсадная утка. И, когда Мидас исчез, у меня сдали нервы. Вы должны меня понять – Шагиняна был моим другом.

– А кто он такой, этот царь Мидас?

– Мифический персонаж. Бог Дионис наделил его поразительной способностью: все, к чему бы ни прикасались руки Мидаса, превращалось в золото.

– Но ведь вы, кажется, имели в виду вполне конкретного человека, а не героя мифов?

– Я имел в виду худошавого невысокого человека с малоподвижным и жестким лицом. Вам нарисованный портрет никого не напомнил? Этому негодяю не удалось бы нас так глупо подловить, если бы не ваша фамилия. В общем, нам показалось, граф, что вы продаете вещь, чудом сохранившуюся в вашей семье, несмотря на бесчинства революционеров и десятилетия советского произвола. К слову, мой прадед был купцом первой гильдии. Кое-что я унаследовал от него, ну, например, страсть к собирательству.

– Но я же сказал Шагиняну, что выиграл солонку в карты. И даже сказал у кого.

– Я знаю. Но нам фамилия «Веневитинов» ничего не говорила.

– А у Шагиняна, насколько я понимаю, был канал сбыта художественных ценностей на Запад.

– Вы проникательны, мой молодой друг. Я Шагиняна не оправдываю, но и не осуждаю. К его чести надо сказать, что если он находил покупателя в нашей стране, то делал для него скидку.

– И вы были одним из таких покупателей?

– Совершенно верно.

– А почему вы так уверены, что Шагиняна устранили люди царя Мидаса?

– Я ни в чем не уверен, граф. Я даже не уверен, что этот ваш Веневитинов и есть царь Мидас. И не задавайте мне лишних вопросов о Мидасе, многого я просто не знаю, а то, что знаю, не скажу, исходя из ваших же интересов. Чем меньше знаешь, тем дольше живешь. Запомните, граф Феликс, эту расхожую житейскую мудрость и удовлетворитесь ею.

– Спасибо за совет.

– У меня были основания полагать, что солонка осталась у вас?

– Это правда. Только она, к сожалению, не золотая. Я подозреваю, что мне ее подменили.

Красильников взял солонку и с интересом принялся ее изучать. Чем она так его заинтересовала, я не понял, но он довольно долго не выпускал ее из рук. На меня гость из столицы произвел в общем-то приятное впечатление. Люблю иметь дело с воспитанными людьми. С другой стороны, господин Красильников явно не чурался предосудительных знакомств в погоне за материальными ценностями, и это не могло не настораживать.

– Что вы знаете о Язоне? – спросил я у потомка купца первой гильдии.

– Ровным счетом ничего. Кроме того, что ему удалось запустить ручонку в хранилище, возможно, государственное, возможно, частное. Я был знаком с Каблуковым. Он был коллекционером невысокого пошиба, но иногда такие люди натываются в своих поисках на довольно примечательные вещи. К сожалению, он мне слишком поздно позвонил по поводу Язона. На два-три часа раньше, и Шагинян остался бы жив.

– А от меня вы что хотите?

– Я готов облегчить участь вашего друга Виктора Чуева, но не даром, конечно.

– Почему бы вам не обратиться непосредственно к его отцу?

– А почему бы вам не выступить в роли посредника? Тем более что вы, по моим сведениям, являетесь его доверенным лицом в самых щекотливых делах.

– А дело предстоит щекотливое?

– Более чем. И смертельно опасное. Зато в случае удачи можно сорвать очень большой куш.

– Роман Владимирович человек не бедный, и вряд ли он станет рисковать репутацией, даже если речь идет о миллионах долларов.

– А кто вам сказал, молодой человек, что речь идет о миллионах – речь идет о миллиардах. А впрочем, сокровища царя Мидаса никакими деньгами не измеришь, они бесценны.

– Послушайте, господин Красильников, я человек трезвомыслящий, и, когда у меня перед носом начинают жонглировать миллиардами, у меня появляется подозрение, что передо мной мошенник очень невысокого пошиба, способный обмануть только легковверных людей.

– Вы очень молоды, господин Строганов, – вздохнул мой собеседник. – Я на вас даже не обижаюсь. От вас требуется всего ничего, Феликс Васильевич: передать господину Чуеву привет от царя Мидаса и от скромного коллекционера Красильникова. Думаю, что у него хватит ума не отвергать мое скромное предложение.

Человек, назвавшийся Красильниковым, покидал мою машину не торопясь, и столь же не торопясь, щегольски поигрывая тонкой тросточкой, он направился к поджидающему его белому «мерседесу». Тому самому, похоже, из которого в меня вчера стреляли.

Царь Мидас! Скажите пожалуйста. Он бы мне еще о золоте партии рассказал. Феликс Строганов не из тех людей, которые гоняются за миражами. Я не отрицаю, что золото было, но оно уже давно прилипло к потным рукам функционеров и превратилось в счета в респектабельных банках. С другой стороны, мне надо было отработать полученный от Чуева-

старшего аванс в тридцать тысяч долларов. Как ни крути, а эта немалая сумма указывала на то, что Роман Владимирович кровно заинтересован в том, чтобы выйти на след человека, которого Красильников почему-то называет царем Мидасом. Я имею в виду Веневитинова, впрочем, он мог оказаться вовсе не Веневитиновым.

Я направил стопы к этому дому просто для того, чтобы лично убедиться в правоте Красильникова. Девятиэтажный дом, к слову, был построен совсем недавно и в весьма удобном и престижном месте, чуть ли не в центре города. Я это к тому, что здешние квартиры обошлись их владельцам в очень приличные суммы. Веневитинов, по создавшемуся у меня впечатлению, не испытывал недостатка в средствах. Правда, я ничего не знал об источниках его доходов.

А спросить было не у кого. Несмотря на то что Веневитинов был широко известен в узких кругах и отнюдь не чурался общества. Вот только вряд ли в этом городе найдется человек, которого можно было бы назвать его другом. Мне всегда казалось, что у таких людей, как Виталий Алексеевич, друзей нет, никогда не было и никогда не будет.

Веневитинова дома не было. Мои деликатные, но настойчивые звонки совершенно напрасно пытались разбудить тишину за надежной стальной дверью. Конечно, Виталий Алексеевич мог отлучиться по делам, но внутренний голос мне подсказывал, что столичный коллекционер, скорее всего, прав и мой партнер по карточному столу либо вообще покинул город, либо залег на дно. И случилось это сразу после нашего с ним разговора. У Виталия Алексеевича был вид человека, собирающегося в дальнюю дорогу. Во всяком случае, мне тогда так показалось. Этот след, я имею в виду Веневитинова, мной потерян, похоже, надолго, если не навсегда. Не то чтобы я очень огорчился по этому поводу, но в любом случае мне следовало поторопиться, чтобы не лишиться и второго следа. Я имею в виду Наташу.

Мой поход по музеям, на который я затратил полдня, ничего хорошего мне не принес. Милые дамы, которые составляют основу когорты обслуживающих нетленные ценности, пожимали плечами и хоть сочувствовали влюбленному мужчине, но ничем помочь не могли. Намаевшись играть влюбленного дебила, я резко изменил тактику и стал опрашивать знакомых, полужнакомых и вовсе не знакомых людей, кто в нашем городе способен изготовить бронзовую солонку под пару имеющейся у меня на руках.

Оказалось, что таких людей не так уж много. Причем двое из них завернули меня с порога, заявив, что никогда подобными делами не занимались и заниматься не будут. Третий оказался куда более любезен. С интересом обследовал предложенную ему вещь и даже хмыкнул презрительно:

– Очень неплохая работа. А что, есть и золотой оригинал?

– Представьте себе. Скажите, не имея на руках оригинала, можно по памяти сделать качественную копию?

– Это вряд ли. Работа достаточно тонкая. Вы к Лабуху обращаться не пробовали?

– Если дадите адрес, то непременно обращусь. А кто он такой, этот Лабух?

– Художник. И даже не бездарный. К сожалению, спился.

– А почему у него фамилия такая странная?

– Это не фамилия, – засмеялся мой доброжелательный информатор. – Прозвище. Лобов он. Александр Лобов. А Лабухом его Чуев прозвал. Знаете такого? Сейчас он на телевидении промышляет. А прежде был актером театра. Бездарным, к слову, актером. Но папина рука в нашем отечестве всегда будет надежнее таланта. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что Чуев, в отличие от многих папенькиных сынков, все-таки не свинья. А вы случаем не из милиции?

– Нет, боже упаси. Какой из меня детектив. Я коллекционер. До меня дошел слух, что где-то в городе кто-то кому-то предлагал золотой оригинал моей бронзовой копии. Вы ничего об этом не слышали?

– Увы. Самым информированным человеком по этой части у нас был Каблуков, но он, как я слышал, недавно умер. Но вы поспрашивайте Лабуха, если он не в запое, то обязательно в курсе.

В принципе я и раньше подозревал, что художники в нашем отечестве живут небогато, но никак не предполагал, что настолько небогато. На панельном пятиэтажном доме, построенном, скорее всего, еще в хрущевские времена, не было номерного знака, так же как и на множестве окружающих его собратьев, и мне пришлось довольно долго выяснять, какой из них двадцать девятый. Что касается подъезда, то он наверняка не ремонтировался со времен царя Гороха. И не похоже было, что нынешние наши цари окажутся расторопнее своих предшественников и станут хлопотать о чужой обветшавшей донельзя жилплощади.

С минуту я шарил глазами по стене в поисках звонка, но обнаружил только оголенные проводки, которые подозрительно торчали над моей головой. Тянуться к ним руками я, однако, не стал, а просто постучал в дверь в надежде быть услышанным. Никто на мой деликатный стук не отозвался. Зато сама дверь неожиданно поддавалась моему нажиму и открылась хоть и со скрипом, но достаточно легко. Замка на ней не было. То есть, вероятно, он и был, но им явно не пользовались. И довольно давно. По той причине, что красть в этой квартире было абсолютно нечего. Ну разве что снять с петель двери и извлечь из проемов оконные рамы. Из мебели была одна табуретка, размалеванная до такой степени, что не представлялось возможным определить ее первоначальный цвет. В углу было свалено какое-то хламье. Наверно, использованные холсты. Мольберта не было. Зато стены были исписаны сверху донизу. Причем такими ликами, что при взгляде на них хотелось закричать от ужаса «Спасайся, кто может!» и доблестно ретироваться из этой обители нищеты и скорби. А посреди всего этого тихого ужаса на той самой раскрашенной табуретке сидел человек с огненно-рыжей шевелюрой, в смокинге, ослепительно белой рубашке и даже при бабочке.

– Впечатляет, – сказал я. – Умопомрачительный ко-нтраст.

– Думаете?

– Уверен. Телевидение не пробовали приглашать? Они такие картинки любят. А название для передачи – что-нибудь вроде «Бедность не порок» или еще лучше и в духе времени «Порок и бедность».

– Последнее название мне нравится больше. А ты кто такой?

– Граф. Сиятельное лицо. Из бывших и недобитых. Поклонник истинных талантов. Спонсор. Меценат.

– Где-то я тебя видел, – задумчиво сказал человек в смокинге.

– Я приходил к вам с Наташей. Вы, правда, были тогда не совсем в форме.

– Эта стерва мне не заплатила, – посмурнел лицом художник.

– Не заплатила или вы запамятовали? – уточнил я. – Творческим личностям свойственна рассеянность.

– Не помню, – честно признался бедный художник. – Но то, что она ведьма, это точно. К тому же аферистка.

– Это я знаю. Меня она нагрела очень крупно. Вместо очень изящной золотой вещи подсунула ее бронзовую копию. Вот, взгляните.

– Это не бронза. Сплав. Здесь важно, что по цвету от золота сразу не отличить. Понял, мент?

У Лабуха было очень бледное лицо, что при рыжей шевелюре особенно впечатляло. Хотя я далеко не уверен, что это естественный цвет волос. Мне кажется, что родился он все-таки шатеном, может, даже брюнетом. И на заре туманной юности, скорее всего, пленял девушек красотой. Сейчас ему было где-то под сорок, и разгульная жизнь не прошла для него даром. Кроме всего прочего, он и сейчас был пьян, это особенно было заметно по тяжелому и мутному взгляду. Сидел он напряженно, словно боялся при первом же неосторожном дви-

жени рухнуть на откровенно грязный пол, но языком орудовал на удивление легко. Меня смущал пистолет, который он держал в руке, целя при этом мне в лоб.

– Я не мент, – поправил я художника. – По-моему, я даже представился. Могу повторить: граф Строганов. Вы, возможно, слышали мою фамилию либо от Чуева, либо от Наташи. Кстати, зачем вам пистолет?

– Хотел застрелиться, а что?

– Застрелившийся художник – это слишком по-мещански. Ну что это за смерть, в самом деле! Вы были знакомы с Каблуковым?

– Допустим.

– Позавчера ночью он был убит канделябром во время карточной игры. Каково! Вот смерть, достойная истинного игрока и джентльмена.

– Каблук не джентльмен, – чуть скривил бледные губы Лабух.

– Зато как умер! Какие заголовки в газетах!

– Плевать я хотел на газеты.

– Согласен. Искусство ради искусства. А вам не кажется, что смерть художника не может быть обыденной? Лабух застрелился – какая пошлость!

– А если Лабух сначала пристрелил одного сукина сына, а потом застрелился сам?

– Еще пошлее. Подумают, что вы застрелили человека и испугались ответственности, а потому наложили на себя руки.

Самое скверное, что этот пьяный придурок действительно мог выстрелить в любой момент. А с такого расстояния очень трудно не попасть даже в стельку пьяному человеку. Конечно, я мог попытаться выбить у него из рук пистолет, но это был слишком рискованный шаг, поскольку Лабух напряженно следил за каждым моим движением. Мои попытки воззвать к его тщеславию оказались безуспешными. Этот человек был уже так далеко за гранью нормы, что реальная кипящая за стенами его однокомнатной квартиры жизнь потеряла для него всякую ценность.

– Мне наплевать, что обо мне подумают, и тем более наплевать, что о моей смерти напишут в газетах.

– Прискорбно. Однако есть еще самооценка художника. Я, представьте себе, всегда считал, что у истинного таланта и смерть должна быть особенной.

– Ты кто такой? – Пистолет в руке Лабуха опасно дернулся.

– Если вам трудно запомнить мою фамилию, то можете называть меня Мефистофелем. Я не обижусь. Вам нужна моя смерть, Лабух, а мне нужна ваша душа.

– Кто из нас сумасшедший? – задал художник вполне здравый вопрос.

– А для вас это имеет принципиальное значение? Я вам предлагаю сделку. Пять тысяч долларов вас устроит? Или ваша душа стоит дороже?

– Моя душа не продается. Слышишь ты, Мефистофель!

– Если душу нельзя купить, то ее можно выиграть в карты. У вас карты есть, Лабух?

На его опухшем от алкоголя лице медленно проступало удивление. Мне даже показалось, что за время нашего довольно продолжительного разговора он слегка протрезвел. Впрочем, это была относительная трезвость, пока что не сулившая мне отпущения грехов. А карты у Лабуха были. Почти новая колода лежала на подоконнике, и я, осторожно ступая, дабы не навлечь на себя гнев партнера по смертельной игре, прошел к окну. Этаж был четвертый, окно, несмотря на духоту, надежно закрыто. Можно было, конечно, вынести стекло, но по моим расчетам мне не хватило бы на это времени. Я спиной чувствовал ствол Лабухова пистолета. К тому же даже относительно удачное приземление на асфальт не спасло бы меня от переломов. Оставалось играть. Играть в карты мне было не впервой, но, пожалуй, в первый раз ставкой в игре была моя жизнь. Во всяком случае, здоровье, ибо я уже готов был, если ситуация станет критической, попытаться применить против психа физическую силу.

Пока что Лабуха мое предложение заинтересовало. Тщеславие художника все-таки взяло верх над алкогольным психозом. Перекинуться в картишки с Мефистофелем, пусть и липовым, на пороге вечности, это как нельзя более льстит самолюбию истинного таланта.

– Сдаешь по три карты,– хрипло сказал Лабух.– Попробуешь передернуть – стреляю без предупреждения. Если у обоих перебор – через секунду будем покойниками. При равенстве очков – банкирское твое. Как видишь, я благороден.

– Странное представление о благородстве: у вас, Лабух, два шанса против моего одного.

– Я поставил на кон бессмертную душу, а ты всего лишь жизнь, все справедливо, граф Феликс, именующий себя Мефистофелем.

Прямо скажем, логика Лабухова заявления хромала на обе хилые кривые ножки, но у моего оппонента в руках был железный аргумент, который в любую секунду мог склонить чашу весов в его пользу.

– Близо не подходи,– предупредил Лабух, заметив мое движение в его сторону.– Мои карты бросай прямо на пол, картинкой вверх. Мне скрывать нечего, я играю в открытую.

Я опустил на одно колено метрах в трех от Лабуха. С такой позиции мне удобнее всего будет совершить свой, возможно, самый последний в жизни прыжок. Лабух тоже напряжился. В доселе мутных его глазах зажегся желтоватый огонек. Ситуация, конечно, потрясала идиотизмом, но мне она почему-то почти что нравилась. Во всяком случае, я почувствовал азарт игрока, бросившего все на последнюю ставку. По-моему, нечто подобное испытывал и Лабух. Первой к его ногам прилетела семерка треф. Впрочем, масть в нашей игре значения не имела. Второй была семерка червей. Лабух перевел на меня наполненные диким весельем глаза:

– Еще одна семерка, граф, и я стреляю без предупреждения. Можешь не сомневаться.

Я и не сомневался. По перекошенному лицу видно было, что он не блефует. Пистолет подрагивал в его руке, но тем не менее упрямо целил мне между глаз. Третью карту я успел прочитать еще на лету, а потому даже не пошевелился в ответ на дикий вопль, вырвавшийся из Лабуховой груди. Вопил он, естественно, от разочарования. Ему выпал король треф.

– Восемнадцать,– быстро сосчитал Лабух.– Но это еще не конец, Мефистофель, ты понял, еще не конец.

Мне очень хотелось, чтобы третьей к нему пришла девятка, но, увы, судьба распорядилась по-иному. Конечно, и выпавший ему перебор еще ничего не решил бы в игре согласно гадским условиям, которые этот подонок навязал мне против всяких правил, но все-таки он уравнивал наши шансы.

Девятка червей выпала мне. В принципе это число для меня счастливое, но только не при игре в очко.

– Сейчас выпадет десятка, граф, а следом – туз.

– Не каркайте, Лабух,– огрызнулся я.– Вы не ворона. Настоящий игрок не кричит под руку партнеру.

Выпала еще одна девятка, на этот раз бубен. В принципе восемнадцать плюс банкирское очко меня вполне бы устроили, к сожалению, мы договорились играть на трех картах.

– Еще одна,– нервно хихикнул Лабух.– Я хорошо считаю, Мефистофель.

– Будет дама,– хрипло сказал я, глядя прямо ему в глаза.

– Врешь,– с ненавистью выдохнул он.

– Дама пик,– повторил я.

– Врешь,– захлебнулся собственной слюной Лабух.– Если выпадет дама пик, значит, ты передернул. Я стреляю на даму пик, Мефистофель, слышишь, стреляю.

– Ну и хрен с тобой,– выдохнул я.– Получи блондинку.

Бубновая дама порхнула в воздухе и легла под ноги Лабуху. И, пока он ошалело ее рассматривал, я успел вырвать из его руки пистолет, который действительно оказался заряжен и даже снят с предохранителя. Я с трудом пересилил желание разукрасить бледную рожу Лабуха сине-желтыми пятнами. Очень может быть, что эти пятна пошли бы к его рыжей шевелюре.

– Ты передернул, Мефистофель? – с надеждой поднял на меня глаза Лабух.

– Поднимайтесь, доктор Фауст. Я не расположен ныне шутить.

– Будь ты проклят! – Художник с остервенением плюнул в пол. – Я пьян в стельку, и мне хочется выпить еще.

– А вот это дудки. Мне нужна бубновая дама, Лабух, и ты мне ее выложишь на блюде. И запомни: мы играли всерьез. Ты меня понял – всерьез!

– Проспаться дай, – попросил Лабух. – Я сейчас ничего не соображаю.

– Выспишься позже.

Вообще-то я и сам сейчас выпил бы чего-нибудь. Но не хотелось подавать дурной пример Лабуху, которого мне с большим трудом, но все-таки удалось стащить вниз с четвертого этажа. На скорое его протрезвление я не надеялся. Этот проспиртованный сукин сын пережил два потрясения подряд: в первый раз, когда едва не застрелился перед моим приходом, а второй раз, когда проиграл бессмертную душу заглянувшему на огонек Мефистофелю. Если кто-то скажет, что я сыграл довольно пошлую пародию на бессмертного Гете, я соглашусь, но с одной оговоркой – у меня не было другого выхода. Дама пик лежала последней в колоде, и, разумеется, я мог ее вытащить без труда. Но Лабух выстрелил бы раньше, чем эта карта упала на пол к его ногам. А вот на даму бубен я даже не рассчитывал. Впрочем, у вас есть все основания мне не поверить. Ибо хороший игрок это всегда немного шулер.

Лабуха я отвез к Витьке Чуеву. Художнику нужно было выспаться, а мне некогда было разыгрывать из себя сиделку. Лабух успел задремать в моем автомобиле, и мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы его растолкать.

– Это кто? – не сразу признал гостя Чуев-младший, у которого от переживаний тоже был весьма бледный вид.

– Конь в пальто, – очень удачно представился Лабух. – Своих не узнаешь.

– Зачем ты мне эту пьянь приволок? – взъерился Витька. – У меня своих проблем выше крыши.

– Это не пьянь, – сказал я. – Это доктор Фауст.

– Я проиграл ему свою бессмертную душу, Витя. – Художник неожиданно и для меня, и для Чуева заплакал. – Он дьявол! Мефистофель! А бубновая дама меня предала. Я так и знал. Стерва!

– Он что, с ума сошел? – удивился Чуев, пропуская тем не менее нас в квартиру. – Какая еще дама?

– Даму зовут Наташей. Это она заказала Лабуху бронзовых зверей.

Лабуха я бросил на диван, и тот уснул почти мгновенно. Витька наблюдал за моими действиями неодобрительно. Судя по всему, на этом диване только что лежал он сам, расправляя нанесенные судьбой раны. А поскольку в квартире не было другого приличного ложа, то ему теперь волей-неволей придется нести свалившуюся на плечи беду в вертикальном положении.

– Тебя отец искал. Но твой мобильник почему-то не отвечает.

– Мобильника у меня с собой нет. Я за два дня так и не успел добраться до собственной квартиры. Весь в делах и заботах.

– Работаешь даже по ночам? – ехидно спросил Чуев.

– Работаю,– подтвердил я.– А теперь и тебе придется подсуетиться. Запомни: Лабух наш единственный свидетель. Твоя задача: не дать этому сукину сыну повеситься и ни в коем случае не давать ему пить.

– У него белая горячка?

– Алкогольный психоз. Если у тебя есть знакомый специалист – пригласи. Но глаз с него не спускай. Этот мерзавец сейчас очень опасен.

– Почему он назвал тебя Мефистофелем?

– А чего ты хочешь от алкоголика? Не удивлюсь, если тебя он назовет Маргаритой.

– Очень остроумно,– обиделся Чуев.– Особенно в тот момент, когда надо мной нависла угроза.

Вообще-то один мой знакомый художник был прав, назвав Витьку посредственным актером. Вот и сейчас он не смог даже толком сыграть подозреваемого в убийстве благородного человека. А ведь казалось бы – чего проще.

– Тебе хаханьки, а с меня уже взяли подписку о невыезде. Можешь себе представить – Чуев под подпиской!

– У нас полстраны под подпиской. Не строй из себя принца датского: вопрос быть или не быть перед тобой еще не стоит.

– Но я ведь не убивал Каблука, понимаешь, не убивал! Как же можно с невинного человека брать подписку о невыезде.

– Отпечатки пальцев на канделябре твои?

– Ну мои,– упавшим голосом сказал Чуев.– Но он же на столе стоял. Мы ведь при свечах играли.

– Эстеты. А при электрическом свете нельзя было, что ли?

– Это Язон предложил. Веневитинов согласился. И мне показалось, что так элегантнее.

– При свечах передегивать проще, дурак.

– Кто ж знал. Вроде приличные люди собрались.

– Приличные люди краденными вещами не торгуют. А ты не столь наивен, чтобы не понимать, откуда у Язона взялся золотой Пегас.

– Я тебя умоляю, старик, не хватало еще, чтобы ты мне нотации читал. По сравнению с тобой, козлицем, я ведь агнец.

– Именно поэтому, милостивый государь, я вам рекомендовал настоятельно не садиться за карточный стол. Либо играть только в подкидного дурака.

Беда Витьки Чуева в том, что он российский интеллигент. То есть человек, грезящий идеальным миром, но готовый принять несовершенства, особенно если они совпадают с его собственными пороками. Но, увы, пороки бывают не только у интеллигентов. Есть и другие категории граждан, претендующие на то, чтобы их недостатки стали несовершенствами окружающего мира. И, что особенно обидно, эти обремененные недостатками граждане гораздо активнее интеллигентов, и поэтому именно они перестраивают мир по своему образу и подобию, шокируя чувствительные души похабными поступками и преступлениями. И при виде творимого этими людьми непотребства интеллигентам остается только пускать слюни, осуждающе качать головой или верещать от ужаса.

– Ты циник, Феля,– осуждающе покачал головой Витька.– Я тебе всегда это говорил.

– Ты мне лучше о Язоне расскажи. Что это за человек, как он выглядит, какие у него привычки и какой круг знакомых?

– Да откуда мне знать круг его знакомых,– всплеснул руками Чуев.– Я его видел от силы раз пять. А по внешнему виду – человек приблизительно нашего с тобой роста и возраста, блондин, очень обаятельный, улыбчивый. Зубы прямо на загляденье. Словом, внешность артистичная. Очень хорошо чувствует партнера. Что позволяет ему без труда сходиться с людьми.

– С богемой, ты хочешь сказать.

– Ну пусть будет богема. Я понимаю, ты нас презираешь, но, согласишься, без нас нет России. Именно мы придаем ей тот блеск и ту загадочность, которая так нравится иностранцам. Ну что такое Россия без нас? Нищая страна с сильно пьющим народом, с вечно коррумпированной властью, с бандюгами такого калибра, что, глядя на них, ужасается все цивилизованное человечество.

– Ты забыл еще одну категорию наших граждан – российских авантюристов. Дай срок, и мы еще заставим твое цивилизованное человечество рыдать и кашлять.

– Не сомневаюсь, – картинно раскинул руки Чуев, одновременно склоняясь передо мной в демонстративном поклоне. – Из-за таких, как ты, граф Феля, нас никогда не пустят в приличное общество. Мы так и будем прозябать среди нищих недообразованных народов.

– Дурак ты, Витя. И глупость подобных тебе становится чуть ли не главной проблемой российского общества. Богатыми и цивилизованными бывают только те страны, где правят бал авантюристы. А от трудов праведных не наживешь палат каменных. Мы бедны не оттого, что у нас много авантюристов и проходимцев, а потому, что мало. Да и масштаб их не тот.

– Жулики у нас и те не крупные, – ухмыльнулся Чуев. – Хотя воруют вроде бы десятками и сотнями миллионов.

– Миллиардами надо воровать, Витя, а лучше – триллионами. И не у себя дома, а за бугром. Вот тогда у нас будет жизнь светлая, цивилизованная и распрекрасная. А экономическими теориями дорога в ад вымощена.

– Ты чудовище, Феля. Ты потомок конкистадоров, шовинистов и империалистов. Это такие, как ты, виноваты, что все цивилизованное человечество при слове «русский» вздрагивает от испуга.

– Раз боятся, значит, уважают. Так зачем меня искал твой отец?

– Не знаю. К нему приехал партнер из Москвы. Возможно, хочет тебя с ним познакомиться. Слушай, Феликс, держался бы ты от них подальше, это я тебе уже как друг говорю.

Предостерегал меня Витька почти искренне. Но именно почти. Поскольку главным было то, что можно будет в критический момент заявить во всеуслышанье: «я же тебя предупредил». Обычное интеллигентское мошенничество. И вообще складывается впечатление, что отцом российской интеллигенции был Понтий Пилат – предупредил и умыл руки. Каждый в этой жизни передергивает на свой манер. И не надо подозревать наших интеллигентов в бескорыстии. Просто их корысть другого порядка – менее вещественна, зато более полезна для душевного здоровья.

Дверь мне открыла Нина Васильевна. Настолько милая и настолько интеллигентная женщина, что не совсем понятно, почему она выбрала в мужа такого человека, как Роман Чуев. Вот кого трудно заподозрить в интеллигентности. Конечно, в своем нынешнем обличительном раже я мог бы обвинить в неискренности и Нину Васильевну, но в данном случае выбор делала не интеллигентка, а просто женщина. И женское нутро безошибочно подсказало, что в лице Романа Чуева она найдет завидного самца, способного защитить рожденное ею потомство.

– Боже мой, Феликс, ты ведь в курсе, что Витю посадили?

– Для меня это новость, Нина Васильевна, поскольку я разговаривал с ним буквально пятнадцать минут назад.

– Ну не посадили, так посадят. Эти ужасные люди от него не отступятся. Вы не представляете, как это меня угнетает. Витя ведь мухи не обидит. А там – тюрьма. Не представляю, как он это переживет.

– Ваш сын, Нина Васильевна, вполне бодр и свеж. К тому же я точно знаю, что он никого не убивал.

– Даже случайно?

– Даже случайно,– подтвердил я.– И не думаю, что Виктору всерьез что-то угрожает.

Я очень хорошо отношусь к Нине Васильевне, гораздо лучше, чем к Роману Владимировичу, правда, нельзя сказать, что пользуюсь взаимностью. Особенно в последние годы. По моему, Нина Васильевна считает, что авантюристу вроде меня лучше держаться подальше от ее сына. Во всяком случае, так она считала до минувшего воскресенья. Но после случившегося с ее чадом несчастья она, кажется, изменила свое мнение обо мне. Возможно, ей что-то намекнул Роман Владимирович, но печальные глаза ее смотрели на меня сейчас с надеждой.

– Роман Владимирович вас ждет. У него гость из Москвы.

Почему и Витька, и Нина Васильевна сочли своим долгом предупредить меня о госте, я, честно говоря, не понял. Но мне показалось, что сделали они это совсем не случайно.

Надо сказать, что Михаил Семенович Зеленчук не показался мне поначалу человеком, достойным такой настойчивой рекламы. Но так уж принято в русской провинции, что от гостя из столицы непременно ждут чего-нибудь судьбоносенького. Даже если фамилия этого гостя Хлестаков. Нет, за двести лет наша провинция, бесспорно, поумнела, да и столичные гости к нам едут не из Петербурга, а из Москвы, но тем не менее ощущение второсортности и зависимости от столичных хлыщей выветрится в нашей глубинке еще не скоро.

Внешне Михаил Семенович смотрелся вполне пристойно. Среднего роста, не сказать, что худой, но большого брюха еще не нажил. Возраст где-то между сорока и пятьюдесятью. Вальяжен. Лысоват, но до окончательной плешивости еще далеко. Уверен в себе. И доброжелателен особой московской доброжелательностью, которая для страдающих комплексом неполноценности провинциалов как нож острый, поскольку густо замешана на снобизме и презрении к малым сим.

– Феликс Строганов,– представил меня хозяин.– Я говорил вам о нем, Михаил Семенович.

Чуев-старший в присутствии столичного гостя держался свободно, как и подобает хозяину, и мне это понравилось. Что же до Зеленчука, то он глянул на меня с интересом, не более того. Руки не подал, лишь кивнул небрежно, как младшему секретарю значительного, но все же зависимого от центральной власти лица.

– Михаила Семеновича заинтересовала история с золотыми зверушками, и он готов помочь нам выйти на след Язона.

– К сожалению, я не знаю, какими возможностями обладает господин Зеленчук, но должен вас предупредить, Роман Владимирович, что Язоном заинтересовался еще один человек, тоже приехавший из Москвы, некто Красильников, коллекционер, хороший знакомый убитого Шагиняна и прямой потомок купца первой гильдии.

– Он что, сам вышел с тобой на связь?

– Да. Предварительно испортив мне лобовое стекло двумя выстрелами из пистолета. И еще одна примечательная подробность: Красильников был знаком с Каблуковым, поддерживал с ним деловые отношения. Я думаю, что координаты Шагиняна Язон и Веневитинов получили именно от Каблукова, вот только последний, если верить Красильникову, забыл их предупредить о моем визите.

– А если не забыл? – прищурился в мою сторону Роман Владимирович.

– Тогда это именно Красильников устранил Шагиняна, дабы завладеть золотой солонкой, а главное – выйти на след продавца. Язон, узнав о моем фиаско в Москве, вполне мог прийти к выводу, что его курьера подставил Каблуков. После чего он Каблукова устранил.

– А от кого Язон мог узнать, что сделка завершилась столь печально?

– От Наташи, она наверняка следила за мной. Что было нетрудно сделать. Я ведь не конспирировался. Думаю, именно Наташа подменила золотого тигра на бронзового.

Я не знал, нужно ли выкладывать подробности запутанного дела при Зеленчуке, но поскольку Роман Владимирович меня не придержал ни знаком, ни взглядом, а лишь кивал

согласно моим словам седеющей головой, я сделал вывод, что гостю он доверяет и, более того, действительно рассчитывает на его помощь. Что же касается Михаила Семеновича, то он остался недоволен моим рассказом и не постеснялся высказать свои претензии:

– Вы вели себя слишком легкомысленно, господин Строганов. Я, например, не представляю, как можно не заметить такой разительной подмены, сидя рядом с мошенницей.

– Для меня, господин Зеленчук, эта вещь никакой ценности не представляла. Деньги я за нее уже получил. Жалею, что не выбросил ее в мусоропровод еще там, в Москве. Если бы Наташа просто попросила у меня солонку, я бы ей ее подарил. Откуда мне знать, что эта вещь украдена из музея?

Зеленчук с Чуевым переглянулись. Моя последняя фраза была провокационной. Я, конечно, не верил, что поисками пропавших из музеев экспонатов занимаются такие люди, как Роман Владимирович Чуев и Михаил Семенович Зеленчук. А Зеленчук был, судя по всему, птицей довольно высокого полета, близким к правительственным кругам.

Не говоря уже о Веневитинове. За этим человеком чудилась совершенно непонятная сила. Веневитинов сначала выиграл у Язона солонку, хотя мог и не выигрывать. Слишком опытный человек, чтобы не понимать очевидного, а именно: золотой тигр, скорее всего, краденый. А потом Виталий Алексеевич проигрывает этого тигра мне, хотя мог и не проигрывать. До сих пор я полагал, что Веневитинов выбрал меня случайным курьером, но сейчас мне показалось, что он таким образом пытался активизировать Чуева-старшего, поскольку вполне мог знать, что я выполнял кое-какие деликатные поручения Романа Владимировича.

– Скажите, господин Зеленчук, вы знакомы с Веневитиновым?

Нет, Зеленчук не вздрогнул, он просто затянул паузу. И в конце концов сам понял, что затянул. Отрицать очевидное было бы сейчас просто неловко. Михаил Семенович знал Веневитинова, более того, он, похоже, приехал сюда ради него.

– Видите ли, Феликс, фамилия Веневитинов мне ничего не говорит. Однако внешность этого человека вызывает подозрения. Ваш Веневитинов очень похож на одного моего знакомого. Фамилия его – Иванов. Иванов Алексей Иванович. Бывший полковник КГБ СССР. Уволен из органов в 1992 году.

– И это все?

– В общем, да, – не очень уверенно отозвался Зеленчук. – Этого человека несколько раз пытались взять за жабры и криминальные, и правоохранительные структуры. Но увы. Урки, вздумавшие на него наезжать, уничтожались физически. Официальным структурам просто нечего было ему предъявить. А все попытки на него надавить заканчивались ничем.

– Прямо-таки поразительная беспомощность структур, которые, как мне известно, в определенных условиях с людьми не церемонятся.

– Не иронизируйте, Феликс. Все средства, которые только можно применить, официально, полуофициально и неофициально, к этому человеку применялись.

– И в конце концов его отпустили?

– Он сбежал, исчез. О том, что он находится в вашем городе, мы узнали совсем недавно.

– Вы забыли сказать, Михаил Семенович, какие у вас к этому человеку неофициальные претензии?

– Речь идет о ценностях, Феликс, об очень больших ценностях, которые преступная группа скрывает от государства.

– Золото партии? – насмешливо полюбопытствовал я.

– Здесь ирония неуместна, Феликс, – предостерег меня Чуев-старший. – Очень много ценностей попадало в чекистские схроны в ходе Гражданской войны и последующих конфискации. Немало в них было и трофейного имущества, которое потоком хлынуло в страну после Великой Отечественной.

– А какой смысл был все это прятать, ведь вся собственность до последнего винтика была в их руках?

– Что значит в «их»? – засмеялся Зеленчук. – Конкретные руки всегда принадлежат конкретным людям. А золото – это реальная власть в любой стране и при любых системах. Часть таких источников мы раскрыли, но есть так называемые законсервированные схроны, о которых знает незначительный круг лиц.

– Вы хотите сказать, что Иванов-Веневитинов один из таких людей?

– Я твердо знаю только одно – он к этому причастен. Скорее всего, полковник Иванов не знает, где находятся схроны. И сколько бы мы его ни пытали, какие бы методы воздействия ни применяли, все будет бесполезно.

Бред сивой кобылы, не вслух и не при московском госте будь сказано. Человек ничего не знает, но тем не менее он к чему-то причастен. Веневитинова, пусть даже если он Иванов, мне стало искренне жаль. По-моему, у этих искателей кладов просто крыша поехала. И может наступить такой момент, когда они и меня, чего доброго, заподозрят в причастности с последующим применением ко мне методов воздействия – официальных, полуофициальных и совсем неофициальных.

– В данном случае мы столкнулись с очень сложной системой конспирации, Феликс. Человек не знает, где находится схрон, но он знает, что там хранится.

– Ну а при чем здесь Язон, он-то какое отношение имеет к схронам КГБ?

– Похоже, он запустил туда руку, – мягко улыбнулся Зеленчук. – Как и каким образом, не знаю. И теперь перед Ивановым-Веневитиновым стоит задача: во-первых, не допустить, чтобы золото ушло за границу, во-вторых, вычислить всех проходимцев, причастных к взлому схрона, и ликвидировать их. Для этого ему придется активизировать сеть, охраняющую схрон. Хотя, думаю, она уже и без того пришла в движение.

– Любопытно, – покачал я головой. – Почтище любого детектива. Но сильно отдаёт ненаучной фантастикой.

– Как вы понимаете, Феликс, мы посвятили вас в наши проблемы не случайно. Вас рекомендовал Роман Владимирович, он и несет за вас ответственность. Работать вы будете не даром, и в случае успеха ваш труд будет оплачен наличными. В условных единицах.

– А в случае неудачи мне грозит пуля?

– Зачем же так мрачно шутить, Феликс? – засмеялся Зеленчук. – Неудач в этом деле было так много, что винить вас в неспособности найти ключ от сундука, охраняемого огнедышащим драконом, никто не собирается. Не думайте, что именно вашей миссии мы придаем какое-то исключительное значение. Вы просто один из многих задействованных в этой операции. У вас есть ко мне вопросы, господин Строганов?

– Вопросов нет. Но я жду указаний.

– А вот указаний как раз не будет. Действуйте автономно, руководствуясь только собственными соображениями. В случае крайней нужды мы вас прикроем. Если возникнет необходимость стрелять – стреляйте. Но за каждого покойника вам придется отчитываться перед нами. Помните об этом, Феликс.

Видимо, меня завербовали, хотя никаких документов я не подписывал. И если подходить с формальной стороны, то я мог чувствовать себя вольной птицей. Однако эта воля ограничивалась пусть и длинным, но поводком, на который меня неожиданно посадил господин Зеленчук с подачи Романа Владимировича. Если бы я знал о делах Чуева-старшего меньше, то, наверное, решил бы, что меня разыгрывают. Просто двум зрелым и наделенным властью дядям пришлось на ум ради развлечения подшутить над молодым человеком. Слишком уж нелепо выглядит эта история с кладом. Я и сейчас стопроцентно не был уверен, что Зеленчук рассказал мне всю правду. Но одно было для меня очевидно: я попал в весьма серьезную переделку, из которой выбраться будет непросто.

В моей квартире за время моего отсутствия кто-то побывал. Причем этот кто-то даже не стремился скрыть следы своего пребывания. Большого ущерба я не понес, но потерял довольно много времени, приводя в божеский вид подвергнувшуюся наезду квартиру. Хорошо еще, что квартира у меня однокомнатная и вандалам негде было разгуляться. Кажется, они что-то искали и, видимо, небольшое по размеру, поскольку обшарили не только шкафы, но и ящики письменного стола.

Подобное внимание к моей скромной персоне меня скорее удивило, чем испугало. Впрочем, пораскинув умом, я пришел к выводу, что в гостях у меня, скорее всего, побывали ребята коллекционера Красильникова, склонные, вероятно, от природы к бесцеремонности и неуважению частной собственности. Косвенным подтверждением этой версии служила опустошенная бутылка коньяка, о которой я, кстати, забыл, обремененный проблемами.

Сейчас меня волновал только один вопрос: Красильников знает, с кем он имеет дело в лице Чуева-старшего? У меня складывалось впечатление, что не совсем. А может, я преувеличиваю значение Зеленчука, и, следовательно, структуры, которые он представляет, не такие уж и государственные. Трудно поверить, что Красильников настолько сумасшедший, что готов бросить вызов людям, наделенным властными полномочиями. Правда, не исключено, что и Красильников не сирота и за ним тоже стоят очень серьезные люди. Сморенный усталостью и трудно прожитыми днями, я не заметил, как уснул. Спал я часа четыре, а проснулся, когда уже смеркалось. Самое время было навеститься к Чуеву-младшему и узнать, как там чувствует себя мой подопечный Лабух.

В чуевской квартире меня ждали сразу два сюрприза: во-первых, очухался наконец сам художник, а во-вторых, нашлась пропавшая было Вера, которая, если судить по глазам, горящим, как у рассерженной кошки, готова была обрушить на меня поток информации.

– Слушай, Мефистофель, – строго глянул на меня Чуев. – Лабух рассказывает о тебе страшные вещи. Конечно, человек он впечатлительный, а в тот момент был не совсем трезв, но у меня нет оснований ему не верить.

Лабух сидел на диване и с задумчивым видом пил кофе. На слова Чуева он никак не реагировал, словно и не слышал их. Не отреагировал он и на мое появление в комнате, во всяком случае, даже бровью не повел в мою сторону.

– Всему есть предел, Феликс, нельзя так травмировать творческого человека. Да и какой из тебя к черту Мефистофель.

– Карточный долг – долг чести, – пристально посмотрел я на Лабуха. – Мне выпало очко, а Лобову долгая дорога. В смысле долгий и упорный труд на благо Отечества и человеческой цивилизации. Не будь меня, ты, Витя, сейчас собирал бы деньги на похороны нищего художника. Откуда у вас пистолет, Лобов? Какой мелкий бес вам его подарил?

Чуев опять было собрался завибрировать, но в последний момент передумал. Видимо, его тоже интересовал ответ на заданный мной вопрос. Однако художник с ответом не спешил, создавалось впечатление, что он силился что-то вспомнить. И эти чрезмерные усилия проступали мелкими капельками пота на восковом лбу. Впрочем, не исключено, что дело было не в усилиях, а в похмельном синдроме.

– Так я жду, Лабух, или вы предпочитаете, чтобы вас называли Лобовым?

– Зовите Лабухом, это мой официальный псевдоним, – отозвался художник. – А мелкий бес был. Хромой к тому же.

– Я тебя умоляю, Саша! – взвился Чуев. – Не поддавайся на провокации этого липового Мефистофеля, или ты просто сойдешь с ума. Какие бесы, да еще хромые, могут быть в нашей нынешней российской действительности?

– Был бес, – мрачно стоял на своем Лабух. – Я его хорошо запомнил. Лет, может, под пятьдесят ему. Небольшого роста, плешивенький и весь какой-то кругленький.

– А рожек у него не было? – совершенно неуместно прыснула в кулак Верочка и заслужила грозный взгляд Чуева.

– Рожек не было, – совершенно серьезно отозвался художник. – Цилиндр был. Черный.

– А сам он, конечно, был во фраке, – не удержался от ехидного комментария Чуев, который ни на грош не верил старому знакомому. Что же касается меня, то описываемый Лабухом фантастический персонаж мне кого-то напомнил.

– А фиксы у него во рту не было?

– Была, – с готовностью кивнул Лабух. – Вот здесь, слева. Она сразу бросается в глаза, когда он улыбается.

Сосед Наташи по самолету. Тот самый, с которым я поменялся местами. Вполне вроде бы добродушный на вид дядька. Он мне улыбнулся, проходя мимо в туалет. И даже, кажется, подмигнул. Я ответил ему тем же. И случилось это как раз в тот момент, когда Наташа рассматривала моего тигра. К слову, сидел фиксатый недалеко от нас, так что вполне мог видеть, как я передавал соседке золотую солонку. Мне припомнился и очень похожий дядька, сидевший за дальним столиком уличного московского кафе. Но здесь я не был уверен. В конце концов, в плешивых, кругленьких и невысоких дядьках у нас недостатка нет. И очень может быть, я просто фантазирую на заданную самому себе тему. Хотя, с другой стороны, в том, что этот человек за мной следил, ничего фантастического не было. Правда, я не заметил, что дядька с золотой фиксой из самолета прихрамывает. Впрочем, я особенно и не присматривался.

– Это он принес вам смокинг, Лабух?

– Да. Сказал, что туда лучше идти в смокинге. Там ведь элита собирается как-никак.

– Куда идти?

– На бал Сатаны.

Витька выругался, Верочка засмеялась, и только мы с Лабухом хранили на лицах полную серьезность.

– Мы с ним обсуждали мои иллюстрации к роману Булгакова «Мастер и Маргарита».

– Это те, что на стенах?

– У меня не было ни холста, ни бумаги, ни картона. Но мне удалось. Удалось, Чуев. Вот и Мефистофель не даст соврать.

– Очень сильное впечатление, – искренне подтвердил я.

Лабух, надо признать, был далеко не бездарным художником. Не скажу, что я крупный знаток и ценитель живописи, но, скорее всего, именно его скорбный настенный труд и вдохновил меня на трюк с картами. Другое дело, что дошло это до меня только сейчас. Вообще-то я по природе чужд мистике. А к Булгакову и вовсе отношусь настороженно. По моему, Михаил Афанасьевич своим бессмертным романом «Мастер и Маргарита» окончательно сдвинул по фазе многих наших гуманитариев, которые и без того не могли похвастаться трезвостью ума.

– Мелкий бес приходил с Наташей?

– Нет. Я его давно знаю. Он часто ко мне приходит. Водки выпить. Об искусстве и жизни поговорить.

– То ли он по новой мне пригрезился, то ли это я ему кажусь, – процитировал Витька слова из песни известного всей стране барда.

– А как зовут мелкого беса, вы случайно не в курсе, Лабух?

– Как это не в курсе? – обиделся гордый художник. – Бегемотом его зовут.

– Он Бегемот, а вы, Лабух, значит, Азazelло, для этого и волосы покрасили в рыжий цвет?

– Ты ни черта не понимаешь в искусстве, граф, – гордо вскинул голову Лабух. – Я должен был войти в материал. Мне нужно было раствориться в нем, и Бегемот мне помогал. Он ведь знаток Булгакова.

– Видимо, в дополнение к искусствоведу мы теперь будем иметь еще и литературоведа.

– Погоди, Феликс, – остановил меня знаком руки Чуев. – Я, кажется, знаю этого человека. Речь идет о Лузгине. Я тогда только начинал, а он действительно играл Бегемота. Потом ударился в астрологию. Чумака из себя по деревьям и районным центрам строил. В общем, он и фокусник, и жнец, и на дуде игрец. Пальца ему в рот не клади. Но он, по-моему, не хромает.

– Хромал, – стоял на своем Лабух. – Он на лестнице ногу подвернул. Для достоверности. Актеру тоже надо войти в образ.

– Это Лузгин дал вам пистолет, Лабух?

– Ты ничего не понимаешь, граф, – отмахнулся художник. – На меня накатило. Я пять дней почти не спал. Только пил и писал. И я это сделал. Сделал! У меня водка кончилась, и тут пришел Бегемот. И, естественно, не пустой. Мы добавили. И тут я понял, что все. Достиг вершины. Лучше этого мне уже никогда и ничего не сделать. И Бегемот сказал, что после этого лучше застрелиться. Потом он привез смокинг и еще водки. Мы ее выпили. Потом Бегемот ушел. А я остался в смокинге и с пистолетом в руке. Ты испортил мне праздник, Мефистофель, я тебе этого никогда не прощу.

– Положим, – запротестовал я. – Вы поразительно неблагодарны, доктор Фауст. Я всего лишь предложил вам продолжение банкета. Сатану я вам не обещаю, но царь Мидас будет. И будет масса впечатлений, Лабух. И будет головокружительная игра, где ставкой не миллионы даже, а миллиарды.

– Кто из нас сумасшедший? – задал художник однажды уже звучавший из его уст вопрос.

– Он сумасшедший, Саша, – ответил за меня Чуев. – Ты себе не представляешь, насколько он сумасшедший. Это авантюрист. Это исчадь ада. Это игрок, который тебя погубит. Беги от него, и как можно дальше.

– Ты меня убедил, – сказал Лабух почти торжественно. – Я пойду на твой банкет, Мефистофель. Но буду здорово разочарован, если он окажется скучнее, чем бал Сатаны.

– Скучно вам не будет, Лабух. Это я гарантирую. Правда, я не могу вам гарантировать жизнь. Но обещаю, что вместе с посланной в вас пулей к вам вернется и проигранная в карты душа.

– Я ловлю тебя на слове, Мефистофель, и принимаю условия игры.

– Обычно такие договоры скрепляются кровью, но я предпочитаю шампанское. Верочка, распорядись.

Чуев выразительно покрутил пальцем у виска:

– Ты хоть понимаешь, Феликс, что имеешь дело с больным человеком? Сашку надо лечить. Я уже договорился с врачом. И не наливайте ему вина, слышите.

– Заткнись, Витя, – неожиданно твердым и трезвым голосом сказал Лабух. – Я хоть и псих, но не сумасшедший. А врачи мне не помогут. Я уже обращался к ним, и не раз. Напичкают лекарствами, а потом хоть топись. Но это раньше у меня была больная душа, а теперь благодаря твоему Мефистофелю у меня ее вообще нет. Ты можешь это понять, Витя? Не может болеть то, чего нет. Шампанского мне, Вера.

– О, негодяй! – театрально заломил руки Чуев. – Погубитель!

– Хватит причитать, Витя, – сказал я ему негромко, пока Лабух возился с принесенной Верочкой бутылкой шампанского. – Я его последний шанс. Клин вышибают клином. И лучшего лекарства, как избавиться от пагубной страсти, не выдумал еще никто.

– И что это за лекарство?

– Страсть еще более пагубная, в данном случае – игра.

– Чтоб ты провалился, Феля!

Проваливается обычно Дон Жуан. Чуев перепутал либретто, я был персонажем совсем другой оперы. И, вероятно, поэтому не только не провалился, но даже выпил с Лабухом шампанского на брудершафт.

– Итак, сударыня, – обратился я к Верочке. – Ваш выход.

– Я знаю, где она живет. Но эта твоя искусствоведша штучка еще та. В наш город она прибыла два месяца тому назад. Вроде бы искала работу. И еще: она продала Гусю золотой портсигар.

– Откуда у Гуся деньги, – пожал плечами Чуев. – Он ведь беден как церковная крыса.

– Гусев брал не для себя. У его шефа юбилей. Они скидывались всей фирмой. Гусев, не будь дурак, отнес вещицу к ювелиру, и тот подтвердил, что портсигар не только золотой, но изготовлен хорошей фирмой. Фаберже, кажется. А тут еще инициалы совпали.

– «ЮБ», – сказал вдруг Лабух. – Я видел его.

– Точно, – подтвердила Верочка. – «ЮБ» – Юрий Баринов. Так зовут шефа Гусева, который был в полном восторге от подарка до тех пор, пока вдруг не выяснилось, что портсигар подделка. Гусев в ужасе. Он никак не может понять, как все это получилось. Ювелир очень надежный вроде бы человек. Ну а сослуживцы, конечно, в ярости. У Гуся и без того репутация была не ахти, а тут еще такой облом. Можете себе представить.

– Твоя работа? – обернулся я к Лабуху.

– Если ты портсигар имеешь в виду, то да. Я сделал более десятка подобных вещей. Халтура, конечно, но ведь и заплатили мне немного.

– А совесть тебя не мучает, художник? – упрекнул Чуев.

– При чем тут совесть?! – возмутился Лабух. – Ведь это же не подделка, а копия. С первого же взгляда любому лоху видно, что к истинному искусству это барахло никакого отношения не имеет.

С точки зрения художника Лабух, конечно, прав. Но, увы, не все у нас художники и искусствоведы. И далеко не все способны с первого взгляда отличить работу фирмы Фаберже от изделия кустарной мастерской господина Лабуха. Не говоря уже о том, что у нас многие способны легко золото с бронзой перепутать. И то желтенькое, и это. Разумеется, есть специалисты, ценители, эксперты, но ведь Лабуховы поделки не на них рассчитаны. А служат только для того, чтобы глаза лохам отвести. Правда в конце концов открывается, но ловких людишек уже и след простыл.

– Итак, леди и джентльмены, мы отправляемся в путь. Сначала ты, Верочка, отвезешь нас к Наташе, а потом Чуев подскажет нам адрес Лузгина. Есть вопросы?

– У меня есть ремарка, – поднял руку Чуев. – Во-первых, я знать не знаю, где живет Лузгин, а во-вторых, я не желаю участвовать в твоих авантюрах, Феля.

– А это не мои авантюры, друг ситный, это ты сидишь у нас под подпиской о невыезде. Это тебя обвиняют в убийстве Каблукова, а не меня. И это тебе нужно найти Язона, а не мне. Задачу уяснили, Виктор Романович?

Чуев надулся. Можно подумать, что это я был виноват во всех свалившихся на его голову неприятностях. Папа папой, друг другом, но иной раз надо самому пошевелить ножками, а не ждать, пока «свобода нас встретит радостно у входа». Может и не встретить. И тогда придется значительную часть времени провести в местах, отдаленных от благ цивилизации и славящихся своими первобытными нравами. Во всяком случае, тюрьма – это не то место, где избалованный папенькин сынок будет чувствовать себя как рыба в воде. Видимо, Чуев это осознал и вторую претензию снял. Оставалась закавыка первая, и я поспешил освежить Витькину память.

– Никогда не поверю, что ты у Бегемота ни разу не был. Ведь коллеги по театру. Оба пьющие. Ты юнец, а он мудрец. Наверняка делился опытом.

– Ну делился, а что дальше,– продолжал хорохориться Чуев.– Раза два я у него был. Но с тех пор минуло лет шесть-семь. Не помню я адреса, слышишь, убей, не помню.

– Вот ведь люди! А еще называют себя интеллектуалами. Номер дома, двузначное число неспособны удержать в памяти.

– Можно подумать, что ты никогда из гостей пьяным не возвращался.

– Но ходил ты к Лузгину трезвым, или ты тогда вообще не просыхал? Ладно, поехали. В дороге разберемся. Поедем на твоей лайбе, Витя.

– А почему на моей?

– Потому что ты единственный из всей компании не пил шампанское. Ты что, хочешь, чтобы я в пьяном виде сел за руль и стал преступником?

Дело, конечно, было не в алкоголе. Просто мой «форд» уже примелькался недоброжелательно настроенным ко мне людям. А дырки в лобовом стекле и вовсе служили неопровержимой уликой, изобличающей хозяина в бурной деятельности на поприще если не криминальном, то около того. Но говорить об этом Чуеву я не стал, дабы не нервировать бывшего артиста понапрасну.

– От кого ты узнала адрес Наташи? – спросил я у Верочки, садясь на переднее сиденье рядом с Чуевым.

– От Гуся. Он случайно видел, как она выходила из этого подъезда, ну и решил, что искусствоведша там квартиру снимает.

– Адрес? – небрежно бросил через плечо Чуев.

– Улица Независимости, дом 11, подъезд третий. Номера квартиры не знаю, но можно уточнить у соседей.

– Уточни на всякий случай, в честь чьей независимости эту улицу назвали,– ехидно заметил Чуев, но Верочка, увлеченная погоней по следу, никак не отреагировала на его юмор.

Какое-то время Чуев покорно следовал указаниям Верочки, сворачивая то влево, то вправо. Потом вдруг вновь ударился в истерику:

– Это же улица Революции, я совершенно точно помню, при чем тут ваша независимость?

– Разуй глаза, Витя,– настоятельно посоветовал я ему.– И вспомни, в какой стране живешь. В России независимость от здравого смысла всегда приобретается в результате революционных преобразований. Так что смирись, гордый человек, и рули туда, куда Верочка скажет. Чего хочет женщина, того хочет Бог.

– Вот козлы,– пригляделся Чуев к табличке на фасаде нужного нам дома.– Когда они успели переименовать? Я же точно помню, что Лузгин жил на улице Революции. Да вот и он.

Из подъезда, в котором, если верить Гусеву, должна была проживать Наташа, вышел кругленький человек невысокого роста. Впрочем, вышел он, кажется, не по доброй воле, поскольку его окружало трое амбалов устрашающей наружности и явно склонных к насилию. Во всяком случае, один из них без всяких церемоний толкнул Лузгина в спину, придавая ему ускорение по направлению к уже виденному мной белому «мерседесу». В «мерседесе» Лузгина поджидал человек, в котором я, кажется, узнал Красильникова. Я говорю «кажется», поскольку довольно трудно опознать человека на таком расстоянии. А ближе подобраться к похитителям мы не рискнули, опасаясь слишком резкой реакции. Чего доброго, решительные ребята вновь открыли бы стрельбу, на этот раз более прицельную.

– Они его увозят,– заелозил Чуев.– Ну что ты сидишь, Феля, действуй.

– Прикажешь стрелять? – вежливо любопытствовал я.

К сожалению, ни у меня, ни, судя по всему, у Чуева не было полной уверенности, что Лузгина похищают. В конце концов, Бегемот не кричал «караул» и не пытался иным спо-

собом привлечь внимание соседей и прохожих. Может, он вполне добровольно согласился сотрудничать с Красильниковым. Не исключено, что его купили. В любом случае лезть в одиночку на банду хорошо вооруженных молодчиков я не собирался. Героическая смерть пока что не входила в мои планы.

– Рули за ними, – приказал я Чуеву. – И соблюдай дистанцию.

– Это Конь со своими братками, – сказал вдруг Лабух с заднего сиденья. – И машина эта его.

– Какой еще конь? – рассердился Чуев.

– Коняев, – уточнил Лабух. – Та еще сволочь.

С Коняевым я лично знаком не был, но слышать о нем слышал. Народная молва приписывала ему немало криминальных подвигов. Зато правоохранители в его сторону лишь скорбно вздыхали и сетовали на недостаточность улик. Пару раз они, впрочем, пытались его привлечь и оба раза оконфузились. Словом, столь предосудительное знакомство с чуть ли не главным в нашем городе отморозком характеризовало, надо признать, господина Красильникова далеко не с лучшей стороны. А еще потомок купца первой гильдии!

– За город едут, – без труда определил Лабух. – У Коня там домишко за каменным забором.

– А ты что, бывал у него?

– Коняев сейчас вполне уважаемый бизнесмен, вхожий и к мэру, и к губернатору. Я его консультировал по поводу картин. Он мнит себя коллекционером. Хотя, между нами, в сфере искусства он полный дундук.

Значит, убивать Лузгина эти люди не собирались, иначе известный многим в городе Коняев не стал бы так откровенно светиться. Надо сказать, что Лабух очень вовремя опознал коняевских братков и вычислил направление их движения. Дело в том, что из Витьки Чуева водитель, как из собачьего хвоста сито. Несколько раз, несмотря на наши понукания, он самым бездарным образом упускал «мерседес», который, к слову, абсолютно никуда не торопился и катил по городским улицам со скоростью, предписанной чайникам нашим заботливым ГИБДД. К сожалению, Чуева-младшего даже чайником назвать нельзя. В принципе я бы вообще не доверял руль людям, склонным к мечтательной меланхолии. И уж тем более не выпускал их на городские улицы в сумеречную пору. Человек родился в этом городе, прожил на его улицах всю свою жизнь и, кажется, должен бы знать его как свои пять пальцев, но не тут-то было: дважды этот олух царя небесного сворачивал не туда, а один раз едва не бросился под колеса тяжелогруженого КамАЗа. Не перехвати я в самую последнюю минуту у него руль, наше путешествие закончилось бы, едва начавшись.

– Тебя в дом Коняева пустят? – спросил я у Лабуха.

– Должны пустить, – пожал тот плечами. – Конь ко мне хорошо относится.

Не скажу, что Коняев жил в хоромах, но домишко впечатлял неискушенного человека. А каменная ограда и вовсе имела претензию сравняться с крепостной стеной. Будь я Рыцарем печального образа, мне никогда не удалось бы взять сей укрепленный замок с помощью верного копья. К счастью, я не был рыцарем и не собирался вести боевых действий. После того как железные ворота проглотили белый «мерседес», я решил, что настала моя пора подсуетиться.

– Ты что, с ума сошел! – возмутился Чуев. – Нашел с кем связываться. Этот Коняев нас в порошок сотрет.

– Не вибрируй. Тебе в пасть зверя идти не придется. Останешься на стреме. Если через час мы с Лабухом не вернемся, позвонишь Роману Владимировичу и вызовешь подкрепление. Ближе к воротам не подъезжай. Варезку не разевай. Следи за тем, чтобы враг не застал вас с Верочкой врасплох.

Чув бурчал себе что-то под нос, видимо, весьма для меня нелестное, но я его уже не слушал, готовясь к вылазке. Лабуха я на всякий случай прихватил с собой, и уж, разумеется, не в качестве оруженосца или подсобной военной силы. Просто надо же было что-то, а точнее кого-то предъявить на входе бдительной охране.

Нельзя сказать, что у калитки нас встретили как родных. Но Лабуха опознали сразу. Судя по всему, он не врал, когда говорил о своих тесных дружеских контактах с криминальным авторитетом.

– А этот? – кивнул на меня спортивного вида молодой человек в джинсах и светлой рубашке, с довольно симпатичным и почти доброжелательным лицом.

– Художник, – ответил я вместо Лабуха. – Приглашен к господину Коняеву для консультаций.

– Фамилия? – строго спросил меня молодой человек.

– Айвазовский.

Коняевская охрана была оснащена по последнему слову техники, во всяком случае, молодому человеку в джинсах не составило труда связаться с хозяином. Судя по всему, там удивились неожиданным гостям, но, видимо, и заинтересовались. Меня пропустили, даже не обыскав. Честно говоря, меня удивило подобное легкомыслие. Будь я авторитетом, насалившим очень многим людям, то не вел бы себя столь беспечно. И уж, конечно, нанял бы себе куда более добросовестных охранников.

Однако, как вскоре выяснилось, дело было вовсе не в беспечности охраны. Просто Коняев не понял доброжелательного молодого человека и его фразу «Пришел Лабух с Айвазовским» истолковал в том смысле, что художник принес ему на продажу картину известного мастера. Ситуация, что ни говори, забавная. Но чего только в этой жизни не случается даже с очень осторожными и предусмотрительными людьми.

– Какого черта? – удивленно уставился на меня Коняев. – Как вы здесь оказались?

Обращение было не слишком любезным по форме, но, поскольку господин Коняев не получил в свое время достойного воспитания, я решил пропустить его грубый выпад мимо ушей. Зато Красильников, сидевший в кресле в дальнем углу обширного холла, поднялся мне навстречу:

– Здравствуйте, граф Феликс. Рад видеть вас в добром здравии.

– Конкурирующая фирма, – дошло наконец до Коняева. – А при чем здесь Айвазовский?

– Я пошутил. Точнее, ваш охранник меня не так понял.

С губ Коняева вот-вот должно было сорваться ругательство, но в последний момент он передумал. В конце концов, ничего страшного не случилось, и, по мнению хозяина дома, я не представлял для него серьезной опасности. Зато на Лабуха он бросил весьма недобрый и мало чего хорошего обещающий взгляд. Надо признать, что внешность Коняева не во всем соответствовала его дурной славе. Если он в юные годы и имел склонность к блатной романтике, то сейчас об этом напоминала лишь наколка на руке. Годы, проведенные среди элиты, не пропали для него даром. Не скажу, что его без проблем можно являть цивилизованному миру, но для внутреннего потребления он уже созрел. С такими манерами вполне уже можно идти в депутаты, а то и в мэры. Тем более что лицом Коняев вполне удался, а статью догонял номенклатурных работников среднего звена. То есть был полноват, но не настолько, чтобы сидеть сразу на двух стульях.

– А что я мог сделать? – отозвался Лабух на строгий взгляд хозяина. – Он выиграл у меня бессмертную душу. Это не человек, это Мефистофель. Бойся его, Василий, он обведет тебя вокруг пальца.

Выслушав столь лестную характеристику в адрес гостя, Коняев только рукой махнул в сторону художника:

– Свихнешься ты когда-нибудь, Сашка, среди своих картин.

Однако Красильников отнесся к предостережению Лабуха более серьезно, во всяком случае, не удержался от патетики:

- Что я слышу, граф Феликс, неужели вы действительно в родстве с нечистой силой?
- А вас это очень бы огорчило?

Коняев захохотал, Красильников улыбнулся, и только Лузгин, сидевший на стуле в самом центре довольно обширного холла, продолжал хранить на лице маску отчаяния. К слову сказать, выражение его лица очень гармонировало с оформлением помещения, решенного в крайне мрачных тонах. Скорее всего, в качестве дизайнера Коняев использовал Лабуха – окружающие нас декорации были вполне в стиле свихнувшегося художника. Я, правда, не совсем уверен, что все висевшие на стенах жутковатые картины написаны Лабухом, но в любом случае приобретались они не без его участия. Не очень, правда, понятно, какой кайф ловил сам хозяин среди всех этих написанных в абстрактной манере образов и образин, но, в конце концов, чужая душа потемки, и не исключено, что Лабух с Коняевым родственные души, заключившие союз если не на небесах, то в преисподней.

– Послушайте, Бегемот,– обратился я к Лузгину.– Зачем вам понадобилось убивать Азазелло.

- Стоп! – вскинулся Коняев.– Вопросы здесь задаю я. Кто такой Азазелло?
- Скажите, а фамилия Зеленчук вам тоже ничего не говорит?

С этим вопросом я обратился не столько к Коняеву, сколько к Красильникову, и господин Красильников оправдал мои надежды. Он прошелся по холлу, опираясь на свою изящную тросточку и, видимо, что-то обдумывая. И лишь потом, обернувшись к Коняеву, сказал:

– Вот тебе, Василий Васильевич, еще одно подтверждение моей правоты. Зашевелились уже на самом верху. Насколько я понимаю, Роман Владимирович отклонил мое предложение о сотрудничестве?

Последний вопрос предназначался мне, и потомок купца первой гильдии весьма выразительно щурился в мою сторону, словно приценивался к товару. Впрочем, не исключено, что у Красильникова проблемы со зрением, а очки он не носит из старческого тщеславия.

- Чуев уже не свободен в выборе партнеров.

– Этого следовало ожидать. Вы, конечно, в курсе, граф, отчего мы все всполошились и что ищем?

– Разумеется. В случае успеха мне обещан гонорар, и весьма приличный. Впрочем, я не единственный охотник за золотом и бриллиантами.

Похоже, Красильников понимал ситуацию даже лучше, чем я. Трудно сказать, что двигало этим немолодым человеком, но вряд ли примитивная жадность. Этот старик производил впечатление пресыщенного жизнью игрока, которому на финише выпала редкостная удача. Вдруг появилась возможность сорвать совершенно невероятный, просто фантастический банк, и он не устоял.

- Вам нужен Лузгин?

– Да, господин Красильников. И я его получу. Хотелось бы обойтись без стрельбы. Это и в ваших интересах, господа. Если о вашей активности узнают мои боссы, то за ваши жизни я не дам и медного гроша.

– Это за твою жизнь я не дам гроша,– ощерился в мою сторону Коняев.– Уж будь уверен, на этот раз мои ребята не промахнутся. Впрочем, они не промахнулись бы и в прошлый раз, если бы им тебя заказали.

– Вы ведь богатый человек, Коняев,– обернулся я к рассерженному урке.– Зачем же вам так глупо рисковать без всяких шансов на успех? Конечно, на кону миллиарды, но ведь жизнь ни за какие деньги не купишь.

Коняев довольно долго и пристально смотрел мне в глаза, а потом неожиданно успокоился и даже, кажется, повеселел. Его реакция показалась мне странной, и я, честно говоря,

ждал подвоха, но, как вскоре выяснилось, мысли хозяина текли сейчас по совершенно иному руслу.

– А я ведь вам с Шагиняном не верил, Лев Константинович. Блажат, думаю, старички. Ну какие в наше время могут быть клады! Справки по вашей просьбе наводил, но все равно сомневался. А вот этот молодой человек меня убедил окончательно. Ах, Чуев, Чуев. Мы копаемся в мелочишке, а он вершит великие дела.

– Так я могу забрать Лузгина без стрельбы, или вы будете настаивать на представлении под названием «Маски-шоу»?

Коняев вопросительно глянул на Красильникова:

– Он не блефует?

– Вряд ли, Василий. Если к делу подключились Зеленчук и Чуев, то в открытой драке с ними у тебя шансов нет. Вполне возможно, что твой дом окружили омоновцы.

– И они вот так, ни за что ни про что готовы убить человека?

– Вас не убьют, вас просто арестуют по обвинению в похищении человека, – возразил я. – А Лузгин подтвердит эту версию в суде.

– Лучше отдай его, Василий, от греха подальше. Все, что нам надо знать, мы уже знаем. В последние годы вокруг этого клада навалено столько трупов, что еще два-три статистики не испортят. А вас, Феликс, я хочу предупредить просто из личной симпатии: чем ближе вы будете к цели, тем больше шансов у вас быть убитым своими же. Послушайте старого человека, господин Строганов, и вовремя остановитесь, иначе вам никогда не тратить своего гонорара.

В принципе ничего нового Красильников мне не сказал. Я и сам понимал, что сильно рискую. Надо быть уж совсем законченным идиотом, чтобы верить в благородство таких людей, как Зеленчук или Чуев. Впрочем, не исключено, что Роман Владимирович выразит сожаление по поводу моей смерти, поскольку знает меня очень давно, но дело есть дело, и оно никогда не обходится без издержек. А списывать или не списывать человека в издержки, решает в конечном счете судьба, хотя и устами вполне конкретных лиц.

Лузгин, который за время нашей беседы не проронил ни слова, так же молча встал и поплелся вслед за Лабухом на шаг впереди меня, тяжело вздыхая и сутуля покатые плечи. Я ожидал эксцессов со стороны обиженной и обманутой мною охраны. Но молодой человек в джинсах всего лишь бросил на меня зверский взгляд и пообещал разобраться попозже. Подобного рода обещания нельзя, конечно, игнорировать, но и придавать им слишком большое значение тоже не стоит. Я все пытался определить, кто из шести встреченных мною в доме Коняева братков годится на роль матершинника Гоги, которому я обещал надрать при встрече задницу, но, увы, подходящего кандидата так и не обнаружил. Уж очень специфической была речь телефонного хулигана, да и надтреснутый баритон надолго западал в память.

– Вы не ответили на мой вопрос, Бегемот, – сказал я Лузгину, когда мы оказались за воротами богатого особняка. – Зачем надо было убивать Лабуха?

– Ваш Лабух жив-здоров, – воровато стрельнул освобожденный пленник в сторону художника. – Да и убийство не моя специальность.

– Вы профессиональный гипнотизер или любитель?

– Я артист, – гордо сказал Лузгин. – И за деньги могу изобразить кого угодно. Но казаться и быть – это абсолютно разные вещи.

Чуев с Верочкой встретили нас как победителей. Судя по всему, они здорово переволновались, дожидаясь нашего возвращения. Верочку я пересадил на первое сиденье со строгим наказом внимательно следить за неумехой водителем, а сам вместе с Лабухом и Лузгиным устроился на заднем. Сделал я это исключительно для более тесного контакта с подследственным, дабы спинка переднего сиденья не мешала психологическому, а возможно, и физическому давлению на проштрафившегося актера. Лузгин, похоже, отошел от

пережитого испуга и сейчас косил в мою сторону почти насмешливым глазом. Наверняка я казался ему менее опасным человеком, чем Коняев.

– Вам рано радоваться, Лузгин,– осадил я его.– Вы оказались между жерновов, которые в два счета перемелют вас в муку. И только чистосердечное признание и готовность к сотрудничеству могут облегчить вашу участь.

– Не знаю, чем могу быть вам полезен, граф,– любезно, но сухо отозвался актер.– Мне нечего скрывать. Все началось с того, что я решил сдать внаем комнату. Квартира двухкомнатная, живу я один, почему бы, думаю, не подзаработать бедному человеку. Согласитесь, сдача жилья внаем это еще не криминал.

– Соглашусь. Но ведь вы этим не ограничились.

– Комнату у меня сняла очень милая девушка. И она же предложила мне подзаработать. Я действительно следил за вами в столице, господин Строганов, если вас это интересует. Но никакого отношения ни к покушению на вас, ни к убийству вашего собеседника я не имею. Меня самого едва не убили. Я ведь сидел буквально в двух шагах от вас.

– И много Наташа заплатила вам за труды?

– Свезила за свой счет в Москву. И пятьсот долларов сверху. Согласитесь, это весьма скромная плата за те ужасы, которые я претерпел по ее милости и которые мне, похоже, еще придется претерпеть. Приезжают, хватают, везут неведомо куда, угрожают побоями и смертью! Я вас умоляю, что такого страшного и криминального сделал безобидный и безработный актер? Все порушено в нашем Отечестве, абсолютно все! Так давайте сохраним хотя бы гуманистические принципы в отношениях между интеллигентными людьми. Ты меня удивляешь, Виктор, уж, казалось бы, наше с тобой многолетнее знакомство должно было послужить гарантией человеческого отношения ко мне. И вдруг опять угрозы, обвинения, подозрения. Я расстроен, я разочарован и тобой, Виктор, и всем миром.

– Bravo,– поаплодировал я монологу Лузгина.– Теперь я верю, что вы неплохой актер. Но вернемся к делу. Кто вам заказал художника?

– Слушайте, господин Строганов, это возмутительно. Я вам не позволю! Я артист! Я нищ, я убог, но я не убийца!

– Хватит кривляться, Лузгин! Имя заказчика? Вы не выполнили заказ, милейший, а за это спрашивают, и очень жестоко.

Лузгин понимал это и без меня. Но отнюдь не спешил открывать мне свою далеко не безгрешную душу. Скорее всего, очень боялся людей, с которыми свела его нелегкая.

– Это ваш пистолет, Лузгин?

Безработный актер на оружие даже не взглянул. Похоже, его все-таки мучила совесть. Ему вручили это оружие для вполне конкретного дела. Он должен был прийти к Лабуху и застрелить его. Но у Лузгина не хватило духу вот так просто взять и убить художника. Однако артист очень хорошо понимал мятущуюся душу собрата по художественному промыслу, отравленную к тому же лошадиной дозой алкоголя. И решил воспользоваться болезненным состоянием Лабуха, чтобы довести его до самоубийства. Это ему почти удалось. Мое неожиданное появление не было прописано в его сценарии, и в будущем эта маленькая случайность грозила обернуться для Лузгина большой бедой. Я не верил, что его встреча с Наташей была случайной, как не верил и тому, что только деньги подвигли его на паскудные действия против Лабуха.

– За нами следят,– сказал вдруг Чуев.– Эта машинешка уже третий раз попадаете мне на глаза.

Я оглянулся, но ничего примечательного, кроме желтого «жигуленка», на хвосте не увидел. Лузгин тоже покосился назад и, как мне показалось, с испугом.

– Может, это коняевские ребята?

– Нет. Я его заметил еще у дома Лузгина. Вторым раз я его увидел возле дома Коняева, когда он мимо нас медленно проехал. А теперь он опять здесь.

– Мало ли «жигулей» в городе, – подал голос Лабух. – Ты на номер посмотри – две шестерки в конце. Я подумал тогда – еще одну подрисовать, и будет сатанинское число.

– Любопытно, – согласился я. – Будь я киллером-эстетом, непременно завел бы себе машину с таким номером. А вы что скажете, Лузгин?

– А я тут при чем? – нервно дернулся актер.

– Так ведь он охотится за вами. Выбирает момент, чтобы всадить в вас пулю.

– Глупая шутка, – процедил сквозь зубы Лузгин. – Куда вы меня везете?

– В казино. Потом поедем в ресторан. Потом еще куда-нибудь. Мне важно, чтобы как можно больше людей знали, что Лабух жив-здоров, а вы, Лузгин, работаете на меня.

– А если я не соглашусь? Просто возьму и убегу?

– Если вы и убежите, Лузгин, то недалеко. Вас убьют.

– Вы блефуете, слышите, вы все время блефуете, я вас раскусил, а потому не боюсь.

– Тогда почему бы вам не съездить со мной в казино? Прекрасно проведем время. Вы мне нужны в качестве живца, Лузгин. На вас непременно кто-нибудь клюнет.

Лузгин промолчал. Однако я знал совершенно точно, что ему не хочется возвращаться домой. Ему не хочется вновь оказаться в лапах бесцеремонного и не слишком к нему расположенного Коняева. Правда, и место рядом со мной вряд ли можно считать для него безопасным. Лузгин не настолько глуп, чтобы не понимать очевидного – куда ни кинь, всюду клин.

– У вас начался Час Невезения, Бегемот. Мой вам совет – играйте. Ибо игра, кроме всего прочего, это лекарство против страха. Так мы идем в казино?

Желтые «жигули» подрулили к заведению вслед за нами. Было уже довольно темно, а потому зажглись уличные фонари. День выдался жарким, но к вечеру потянуло прохладой. Так что пиджак на плечах вышедшего из «жигулей» молодого человека был, пожалуй, уместен. Мне, правда, показалось, что надел он его не из соображений приличия, собираясь провести досуг в людном месте, и даже не по случаю прохлады, а просто потому, что за поясом у него был пистолет. В конце концов, я имел право предположить именно это, и никто не мешал мне поделиться своими соображениями с Лузгиным.

– Мне, право, неловко, господин актер, выталкивать вас навстречу смерти. Хотя смерть на ступеньках казино для истинного игрока, пожалуй, если не лестна, то уместна. Я готов вернуть вам пистолет, попробуйте защитить себя сами.

Молодой человек в пиджаке застыл истуканом у дверцы своих «жигулей» и без всякого стеснения косил глазами в нашу сторону. Конечно, для киллера подобное поведение можно было бы считать вызывающим, но среди них попадаются редкостные наглецы.

– Это случайно не Язон? – спросил я у Чуева.

– Нет, – отозвался Витька. – Может, в милицию позвонить?

– А что мы скажем милиции? – пожал я плечами. – Что некий молодой человек собирается убить господина Лузгина? Но если сам господин Лузгин в это не верит, то почему должны верить сотрудники милиции? Так вы побежите, Бегемот?

– Идите к черту, – процедил сквозь зубы актер.

– Ну что ж, я подчиняюсь. Хотя не уверен, что этот юнец имеет отношение к потусторонним силам.

Молодой человек не то чтобы не ждал моего появления, но, видимо, никак предполагал, что мне придет в голову мысль прикурить именно от его зажигалки. Однако надо отдать ему должное, моя просьба не застала его врасплох, и человеком он был курящим, поскольку немедленно полез правой рукой в карман брюк. Врезал я ему от души и по очень болезненному месту. Несостоявшийся киллер согнулся и получил еще добавок ребром ладони по

шее. Наверное, он так бы и рухнул на грязный асфальт, если бы я не прислонил его к капоту машины. Пистолет у моего оппонента был, а вот документов не оказалось.

- Что случилось? – окликнули меня от дверей казино. Кажется, это был охранник.
- Приятелю стало плохо, – поделился я своим горем. – Видимо, тепловой удар.
- Может, вызвать «скорую»?
- Не надо. Мы справимся сами.

Я махнул рукой в сторону чуевской «ауди», и оттуда мне на помощь примчались Витька с Лабухом. Втроем мы с трудом запихнули поверженного врага обратно в «жигули». Юноша продолжал пребывать в сладком забытии, но суета вокруг его обездвиженного тела не привлекла особого внимания. Хотя площадку возле казино никак нельзя было назвать безлюдной. В нашу сторону косились и дамы, и джентльмены, и просто прохожие, но вопросов никто не задавал. Кто-то, видимо, считал, что в машину грузят пьяного, кто-то не исключал, что видит бандитскую разборку, но тогда тем более не следовало задавать озабоченным людям вопросы под горячую руку, дабы не нарваться на неожиданный отпор. Словом, задуманная мною операция по похищению неизвестного, который предположительно был киллером, прошла с блеском, и я поблагодарил соратников за доблестный труд.

– А с Бегемотом что делать? – спросил Лабух.

– Вот тебе ключи от моей квартиры, Саша, жди меня там. Лузгина можешь взять с собой, но силой не принуждай. Остальные свободны до утра. Да, чуть не забыл передать Верочке эту тысячу долларов и поблагодарить за службу. У меня все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.